

Сулла бы одобрил

Юрий Александрович Никитин

Сулла бы одобрил

Серия «Никитин»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852166
Сулла бы одобрил / Юрий Никитин:
ISBN 978-5-04-194682-1*

Аннотация

Роман из жанра когистики. Это значит, вряд ли вам понравится и почти наверняка разозлит. Но что делать, все лекарства на вкус горькие.

Знаменитый Юрий Никитин – о близком будущем и пугающих перспективах технологического прогресса.

Один из самых популярных российских фантастов. Автор прославленного славянского фэнтези «Трое из Леса».

Работал литейщиком и геологоразведчиком на Крайнем Севере. Окончил Высшие Литературные курсы Московского Литературного института. С 1976 года написал 157 официально изданных романов. Много работать, быстро писать новые книги и удивлять читателей неожиданными идеями – необходимо и естественно для Юрия Никитина.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	71
Глава 8	85
Глава 9	97
Глава 10	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Юрий Никитин

Сулла бы одобрил

© Юрий Никитин, 2023

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Часть 1

Когда дети будут смотреть на великих ученых так же, как смотрят на знаменитых актеров и музыкантов, человечество совершит большой прорыв.

Брайан Грин

Глава 1

За окном холодный мир ночи, темное небо с льдинками звезд, а в нашем кабинете тепло и светло, аромат хорошего кофе, мы все трое в роскошных рабочих креслах, никаким луям в Версале такие удобства не снились.

Саруман Черный, начальник нашего отдела, греет ладони, плотно держа в них чашку. В восемьдесят два года кровь уже не кипит, светел и задумчив, как столетний йог лицом к лицу с вечностью.

Удивительно, как аватарки, *которые* мы бездумно берем для общения в сетях, прирастают и становятся более важными, чем реальные данные. Уже давно не черный, поседел, а потом и облысел, череп блестит, как яйцо страуса под жарким австралийским солнцем, да и аватарку пытался изменить на более приличную возрасту, но мы продолжаем именовать его Саруманом Черным, для краткости просто Сару-

маном, пришлось смириться.

Рядом Фальстаф шумно и со смачным чавканьем бодипозитивиста доедает последний кусок пиццы. На столе по соседству с клавиатурой три пустые чашки из-под кофе и картонная коробка, тоже бодипозитивная, с удвоенным объемом. Сто тридцать кэгэ для современного мужчины признак здоровья, а пузо – солидности и достатка. Борьба с весом проиграна, пришлось находить доводы, что так хорошо, так и надо.

Я без кофе и пиццы растекся в кресле, хреново так, что почти теряю сознание, с усилием сосредоточился, мысленным усилием пригасил свет, бьющий прямо в глаза. В нашем отделе НИИ все подчиняется нашим мысленным командам. Свет, кондиционер, кофейник, открыть-закрыть двери и прочее, а с компом вообще в первую очередь, там повторяющиеся команды, и если есть возможность включить-выключить с другого конца помещения, то глупо топать к столу, чтобы ткнуть пальцем в сенсорную клавиатуру.

Фальстаф вытер рот тыльной стороной ладони, здесь все свои, сказал с раздражением:

– Полночь, а чертов народ еще гуляет! Надо же, чемпионат мира по футболу!.. А утром пробки, центр перекрывали. Ждали команды футболистов Аргентины и Нигерии, а самолет задержали на два часа! И все это время проезда не было. А что вечером будет, когда прилетят немцы, штатовцы и колумбийцы?

Я скосил на него взгляд, даже повернуть голову нет сил. Этот живой и вечно оптимистичный жрун, толстый, как Анна Каренина, но такой же легкий в движениях, хотя если поднимается по ступенькам, пыхтит, как Гамлет, принц датский, сейчас встревожен и мрачен, пусть и пытается скрыть тревогу под ничего не значащей болтовней.

Саруман, наконец, поставил чашку рядом с теми, что осушил Фальстаф, сказал мирно:

– Что делать, время такое. Утром зашел на сайт новостей софта от МейдКлаба, а там их иконка мелким шрифтом, зато крупным – пророчество индийского мальчика о конце света!.. И реклама услуг якутской ведьмы.

– В дикое время живем, – согласился Фальстаф уже чуть оптимистичнее. – Все еще... Берлог, что молчишь?

Я сделал слабую попытку сдвинуть плечами.

– Это мы слишком быстро научились... завязывать галстуки. Остальные еще кроманьонцы, а то и павианы. Мы создали науку, хайтек, они – рэп и бои без правил. Для них чемпион мира по боксу выше академика с его работами по квантовой механике. Но их больше, потому мир подстраивается под них. Демократия это же правление большинства?

Саруман сказал со вздохом:

– Теперь и бокс уже нечто интеллигентное рядом с людоедскими боями ММА. Нам мало, что в дикое время в охотку дичаем по собственному желанию, раз позволено и спонсируется властями, так еще и сами... Ладно, я сверку своей

проги закончил. А что у вас?

– Готово, – ответил Фальстаф. – Берлог уже матерится, хоть и молча, но я чую, интеллигент все-таки.

– Пора, – согласился я совсем тихо. – Времени в обрез!

Саруман поднялся в одно движение, что выдает сильнейшее возбуждение, хотя обычно встает медленно, опираясь о подлокотники или край стола.

К двери направился тоже достаточно быстро и суетливо, только привычно пошаркивает растоптанными туфлями.

Я вылез из кресла с трудом, руки ослабели, а ноги почти не держат. Если бы не сильнейшее обезболивающее, подвывал бы, не стесняясь коллег.

Саруман свернул на лестницу в подвал, через два пролета снова дверь, толстая и металлическая, как в банковском хранилище, где золотые слитки на миллионы долларов, но у нас «Алкома-2» в полмиллиарда.

Мужчины попадают к врачу в трех случаях: в первом приводит мама, во втором жена, в третьем привозит реанимация. У меня третий случай. Недавно обрадовали насчет запущенного рака четвертой степени, ласты склею через две недели, зато, как сказали в утешение с мрачным юмором, могу пить и есть что угодно, не обращая внимания на диеты.

Именно потому сейчас вот торопимся закончить то, к чему шли последние пять лет. Да и красивше умереть героем, пошел на почти безнадежный эксперимент! Правда, это для некролога, а так лучше потому, что иначе догнивать под ка-

пельницей, когда санитарки выносят из-под тебя тазики гов-на и меняют простыни, молча желая тебе скорее отправиться в ад.

Саруман и Фальстаф, с которыми, помимо своей работы, тайком корпим еще и над вариантами оцифровки человека, натужно улыбаются и делают вид, что все путем. Вот запустят процесс копирования всего мозга, а там в глубинах компьютера через три часа очнется моя копия. Точнее, я сам, так как при нынешнем способе переноса мозг разрушается, это не `copy+paste`, а больше похоже на `cut+paste`.

Рядом с массивными и в чем-то футуристичными блоками «Алкомы» привычное рабочее кресло офисного работника, разве что от него к блокам тянутся десятки толстых кабелей, – беспроводная связь в нашем случае не катит из-за низкой пропускной способности.

Я с кряхтением опустился на сиденье, обычное офисное. Жутко скрипнули то ли ножки, то ли мои суставы. Что делать, избыточный вес, руки возложил на подлокотники. Это когда-то будут особые лежаки для оцифровывания личности, а пока что вот так, попросту. И сейчас не всего усеют нейроинтерфейсами, как ожидаемо, а только голову, да и то не всю, попробуем записать лишь работу мозга, лобные части, на спинной не хватит ни мощности, ни емкости.

Оба, как уже не раз проделывали на тренировке, облепили нужные места моего лысого черепа датчиками, не осталось свободного места, даже глаза закрыли. Хорошо хоть теперь

не обязательно внедрять чипы в сам мозг, как было с первыми версиями нейросчитывателей.

Я старался не вслушиваться в торопливые шаги рядом, в прикосновение холодных присосок к черепу, вискам, даже к скулам, а на лоб так всюду давит холодная гибкая пластина с миллионами крохотных считывающих датчиков.

– Держись за поручни, – напомнил Фальстаф с нервным смешком. – Вдруг рванет так, что голова оторвется?

Я сказал с кривой усмешкой:

– Когда Томас Мор опустил голову на плаху, он сказал палачу: «Дружище, размахнись получше, у меня шея крепкая!»

– В сериале этой фразы нет, – уточнил он въедливо, – а теперь историю изучают по сериалам! Да и не было тогда «Алкомы». Нашей девочке голова не нужна, а мозг вынесет, как умеют все женщины.

Саруман закрепил последний датчик, сказал нервно:

– Врубай! Уже все спят, надо спешить.

– Не трусь, – заверил Фальстаф бодро, – подумаешь, выгонят! Пойдем подметать улицы. Сейчас дворники зарабатывают больше докторов наук... И профессия куда уважаемее при нашей мировой демократии.

Саруман недовольно хрюкнул, молча пощупал присоски у меня на висках – там держатся хуже всего, иногда отваливаются сами по себе.

Я ощутил покалывание в темени, начало расползаться во

все стороны, словно сверху капает разогретая сметана. Закрыв глаза, стараясь успокоиться как можно больше. Что я теряю? Одинок, организм изношен, на работе полная задница, финансирование сокращают, вот-вот вообще лабораторию закроют, нашли более востребованные обществом направления.

На секунду я открыл глаза, что-то Саруман дышит прямо в лицо, успел уловить его завистливый взгляд. Ему в цифровую копию хочется перетечь больше, чем мне, но у него пульс девяносто, дыхалка неважная, а у меня давление хоть и двести десять на сто пятьдесят, но пульс в покое чуть выше сорока, а перед сном так и вовсе тридцать семь. Для меня это норма, так вот расчеты на «Алкоме-2» показали, что для оцифровки я подхожу больше, хотя и у меня шансы с воробыный нос, а у Сарумана и Фальстафа – возле абсолютного нуля по Кельвину.

Я проговорил засыпающим голосом:

– Что-то медленно... Можем не успеть...

Температура в помещении начала повышаться, чувствую отчетливо. Несмотря на всю мощь криогенных установок самой «Алкомы», в помещениях приходится регулировать дополнительно, в пиковые нагрузки всегда приподнимается.

Ощущение такое, что медленно засыпаю, уходят тревожащие мысли, перед глазами всплывают смутные образы, преобразовываются, растекаются...

Донесся полный озабоченности голос Сарумана:

– Ты того, сосредоточься... И это, все в кулак, понял?... Ты – главное, а не все эти...

Он не договорил, да и не надо, мы все в последнее время только и мусолили тему микроорганизмов, без которых мы вроде бы и не совсем люди, потому непонятно, возможна ли вообще оцифровка в принципе.

Теперь даже школьник знает, что в каждом человеке обитает сорок триллионов микробов, то есть в шесть тысяч раз больше, чем всех людей на земле. Без них нам не жить, так говорит наука, хотя есть и возражения.

При оцифровке хоть всего человека, хоть только мозга человек на той стороне окажется чистым, а никто не знает, в какой степени эти непрошенные гады влияют на нас. Одни специалисты доказывают, что помогают переваривать еду и следят за правильной работой гормонов, без них мы бы померли, другие с цифрами в руках сообщают, что вредят намного больше, а так бы мы жили долго и счастливо, еще больше бы умничали и духовничали, а не только о бабах, потому что микроорганизмам выгоден рост популяции.

С появлением на свет ребенка в нем уже успевает сформироваться богатый набор микроорганизмов, что будут расти и развиваться, помогая быстрее созреть и тоже обзавестись потомством.

– Проверим, – проговорил я вслух, прислушался, все равно сказал как-то неслышно, но все равно сумел выговорить, молодец, уже достижение, – все узнаем, все сможем...

Трусливое ощущение, что падаю в бездну, не отступило, но человек с самого рождения падает в бездну, на дне которой окончательное небытие, я стиснул зубные протезы и начал усиленно думать о чем угодно, но только чтобы мозг работал.

В какое-то время ощутил странную раздвоенность, словно по-прежнему в кресле, опутанный считывателями, и будто бы далеко-далеко в странном мире, то ли плоском, то ли многомерном, где темно и пусто.

По нашим расчетам, перенос должен занять около трех часов, я терпеливо ждал, по ощущениям – лежу уже сутки... нет, больше, даже не скажу, сколько, но неимоверно больше... целую вечность... хорошо, злая боль отступила...

Странная апатия, у меня мощный мозг, но когда нет тревожных сигналов, он засыпает. Я с ужасом ощутил, что начинаю растворяться в небытии. Осознание своего «я» присутствует, я то ли уже оцифрован, то ли процесс все еще идет, хотя что-то уж очень замедленно. Скорее всего, я сейчас, как говорят в народе, «уже в компьютере».

Но если мозг оцифрован, то, как мы и обсуждали последние пару месяцев, его сразу нужно чем-то занять. Без постоянных сигналов от окружающей среды или хотя бы от своего животного тела он быстро растворится в окружающем небытии, судя по теоретическим расчетам.

Раньше даже в самом глубоком сне мозг получал сигналы от тела, реагировал на температуру, звуки, запахи, а сейчас

прямо на глазах, которых у меня тоже нет, хотя и могут быть записаны, начинает угасать, растворяться...

А вот ни хрена, мелькнула паническая мысль. Сейчас все вспомню, переберу, рассортирую, а как только свяжусь с Саруманом, включусь в работу, буду решать какие-то задачи. Чем сложнее, тем лучше.

Глава 2

Ощущение такое, что меня лишили зрения, слуха, обоняния, осязания... Вообще всего, не говоря уже о теле, но о нем не было речи изначально. Или просто не записалось? Тогда... что у меня осталось?

Уже не чувствую себя в кресле, хотя по своим ощущениям лежал не меньше суток, а то и недели, а сейчас времени нет вовсе. Возможно, потому что нет сигналов даже от тела? В нем же билось сердце, грудь и живот колыхались, закачивая воздух в легкие, чтобы разнести кислород по всему организму, насытить им мозг, а сейчас и самого мозга нет как массы в два кило из полушарий, мозжечка и ствола самого мозга.

Сейчас вишу в полной тьме и полном, как сказал бы, небытии. Почему-то этим словом сознание упорно маркирует окружение. Вокруг пустота, и даже не пустота, а именно ничто, Великое Ничто, могу коснуться края Вселенной хоть справа, хоть слева, хотя она и бесконечно далеко.

В начале в цифровой мир мы пробовали загружать от червяков и дрозофил до лабораторных мышей, но все там просто исчезало.

Саруман высказал идею, что раз уж тела там нет вовсе, то зацепиться и удержаться там может только мозг, вернее сознание, потому что червяки и мышцы отпадают. Но никакая компьютерная модель этого показать не в состоянии, так как по-

ка что не удалось еде-лать полную оцифровку мозга, не повредив его летально.

Потому было принято решение на уровне Академии Наук погодить до эры более мощных компов и более щадящих методов оцифровки.

Попытки оцифровки и переноса приостановили, а в ожидании мощных суперкомпов, которые вот-вот, начали тщательнее подыскивать кандидатуры для переноса. Животные, как уже выяснилось, не годятся.

Только существо, имеющее сознание, волю и понимание, где окажется, имеет шанс не раствориться моментально в небытии. Начали сперва с себя, а потом тайком перепроверили медкарточки сотрудников нашего НИИ.

Это было еще до того, как у меня обнаружили рак, а потом выяснилось, что я обладаю действительно очень крупным и мощным мозгом, плюс пониженная температура тела из-за порока сердца еще в детстве... что еще? Возможно, какие-то отклонения в ДНК, все мы разные, да и скачущие гены вносят свою лепту в разнообразие. Можно сказать, что все мы мутанты, хотя очень малозаметные, даже сами не знаем, что мутанты. Правда, мы, ученые, знаем, но народу говорить не стоит, им только дай взять ножи и пойти зомбить на улицы.

Я бы вздрогнул, если бы мог, в пустоте появились едва ощутимые цветные пятна, начали сплетаться в кольца. С тоской, но без ужаса, ощутил, что это и есть начало распада моей личности. Собравшись, я мысленно сказал громко: «Ко-

гито эрго сум!» Декарт попал в яблочко, я существую, не исчез, не распался на электроны, все еще та же пустота из атомов, тоже соединенная в сеть, хотя теперь уже не из атомов, а на уровне субатомных частиц.

Существую, сказал я себе снова и как можно настойчивее, уцепился, попытался разматывать дальше. Может ли существовать сознание в полной пустоте, на которую ничто не воздействует?

Да, можно для гимнастики мышления вспоминать старые задачи и решать заново, воскрешать разные эпизоды из той жизни, когда я был существом из костей и мяса, но надолго ли хватит, помним не так уж и много, будет недостаточно, и, чувствую, мозг начнет угасать, мышление сократится до точки в пространстве, затем угаснет, что значит, электроны, сцепленные в то, что называю моей личностью, рассыплются.

Ужас наконец-то пронизал с ног до головы, обрадовал. Спасительное чувство страха не исчезло, к тому же я как бы не просто точка в пространстве, а существо, у которого есть голова и ноги. Рудиментарное воспоминание, но хорошо, что есть...

Снова всплеск ужаса, подержал несколько мгновений, да, эти отделы мозга скопированы если не идеально, то достаточно точно. Мне одиноко и страшно, так и должно быть, я все тот же человек, каким был, пусть и в цифровом виде.

А человек, куда бы ни попал, будет драться за существо-

вание изо всех сил. Это выше нас, такими слепила эволюция. Кролик в пасти льва замирает в беспомощности, а человек даже в стае львов будет драться остервенело и яростно.

Но эта мысль взбодрила ненадолго, сейчас и драться не знаю как, безрукий и безногий может хотя бы боднуть головой, но у меня и ее нет...

Говорят, мысль тоже материальна, но это ерунда, я в такое не верю, мысль может только искать решения, выходы из трудного положения.

Но возможно же мысленное управление компьютером, своими протезами? У меня Алиса по моей безмолвной команде гасила и включала свет, открывала и закрывала ворота в гараже...

Да, но для этого на той стороне должны быть установлены датчики, что принимают такие сигналы. Хотя, если подумать, они же давно установлены, тысячи и миллионы таких датчиков по всему миру! Сотни миллионов.

Осталось только додуматься, как нащупать.

Память вроде бы перезаписалась, если не полностью, то немалая часть. Помню многое, как из детства, так и последние дни. Всплыла яркая картинка: наш привычный кабинет, уже все решено, Саруман нависает надо мной, я медузой растекаясь в кресле, а он говорит внятно и настойчиво:

– Сразу все под контроль. Запомнил? Цифровой мозг тоже пойдет вразнос, если не загружать делом или хреню. Чтоб и головы не поднять, которой у тебя не будет.

Фальстаф тогда повернулся от своего дисплея, огромный и толстый, сказал очень серьезным голосом:

– От безделья ищут смысл жизни и спиваются, а после оцифровки... непонятно что навалится. Отовсюду, даже снизу, которого нет. Помни, у тебя из нас самый дисциплинированный мозг!

Саруман повернул руку, фитнес-браслет с часиками на запястье послушно засветился.

– Жаль, – произнес он хмуро, – нет такого суперкомпьютера, чтоб оцифровать тебя всего... Сам знаешь, просто говорю, как нам жаль. Но и оцифровка мозга все равно круто... Мы трое давно живем мозгами, верно? Уже и забыл, что такое трахаться.

– Где-то после полуночи, – добавил Фальстаф деловито. – Когда народ ляжет спать. Если город вдруг без света, начнется паника, пойдут звонки.

Саруман уточнил:

– Оцифровка уже почти легко, а вот перенос... На него да, уйдет электричества озеро, а то и море.

– Если раскроется, – добавил Фальстаф, – нас выгонят сразу. А то и привлекут.

Я еще тогда подумал, что зря извиняется, я не хуже него помню, что мозг человека составляет два процента от общей массы его тела, но объем памяти где-то десять в десятой степени бит, а последние подсчеты вообще подняли цифру до десяти в шестнадцатой. Боюсь, часть нейронов издохнет за

три часа переноса, а то и вообще протухнут.

Картинка скукожилась и пропала, я мысленно сжал ладонями голову, пусть ее и нет, зато я жив, существую, могу мыслить, а у человека самое главное – мыслить, а не жрать и загорать на солнышке, это и животные умеют.

Сказал бы раньше, что сердце стучит сильно и часто, но сейчас у меня нет сердца, даже мысль не стучит в голову из-за ее отсутствия, но после жуткого страха вдруг нахлынула, как на качелях, дикая ослепляющая радость. Получилось, я когито эрго сум, помню даже то, что давно забыл, все мельчайшие подробности жизни, припоминаю даже странное ощущение, когда плавал в околоплодных водах.

Времени здесь нет, могу ориентироваться только на свои ощущения. Сколько прошло: часы, дни, месяцы?.. Мозг начинает гаснуть, требуются колоссальные усилия для напоминания себе, что я это я, хоть и льдинка в быстро нагреваемом мире, но должен держаться за искру сознания, должен держаться!

Огонек в этом ничто появился в виде робкой искры, начал разрастаться, я смотрел с радостной тревогой, то ли это мое гаснущее сознание выдает последний всплеск, то в самом деле внешнее проявление...

Ну да, сейчас огонек распадется на отдельные искорки, сложится в надпись: «Берлог, ответь», – как мы и договорились.

Я инстинктивно попытался вскрикнуть, что я жив и жду, потом вспомнил, что у меня не только рук и ног нет, вообще нет тела, не могу даже губами шевельнуть, их тоже нет, закричал мысленно, ответа нет, снова закричал, прошло несколько минут, снова полная тишина, но не исчезла та блистающая искорка, теперь понятно, что это в моем сознании.

Тревога постепенно переросла в страх: что-то пошло не так? Нагрянула комиссия, расследующая колоссальную утечку энергии, всех повязали и увезли в кутузку? Маловероятно, хотя в нашем мире возможно все.

Вспомнил раздраженный голос Сарумана:

– Это все наши морально-этические запреты!.. Уже и на законодательном уровне как тяжелые гири на задних конечностях ученого мира. В Калифорнийском НИИ создано лекарство против всех видов рака, дает полное выздоровление в девяноста пяти случаях из ста, но регулятор требует, чтобы довели до ста, иначе на производство и продажу не дают разрешения!

Фальстаф тогда поддакнул:

– Да, еще пять потерянных лет на трехуровневое испытание в клиниках. А потом год на получение разрешения от правительств своих стран. Сколько за это время умрет народу что могли бы жить?

Помню, я сказал с нетерпением:

– Мне все понятно, мы об этом уже сто раз говорили. Но, как я понимаю, вы подталкиваете... это верно?

Саруман вздохнул, развел руками.

– Берлог, ты же наш лучший друг, а не только коллега. Даже не представляешь, как не хочется тебя терять. А при соблюдении всех норм, сам понимаешь...

Они с Фальстафом переглянулись, тот понизил голос, даже воровато оглянулся по сторонам:

– Сам знаешь, мы хоть сейчас. Только пару суток на то, чтобы перекалибровать аппаратуру. Ты не дрозофила и даже покрупнее лабораторной мыши, хотя у нас самые крупные, Наташа кормит их на убой. Но если ты не готов, то рискну я...

– Ты здоровее, – возразил я. – Ты и так дотянешь до бес-
смертия.

Саруман хмыкнул:

– Если только оно придет завтра утром.

Глава 3

Прошли то ли сутки, то ли месяцы, абсолютно нет привязки к ощущениям, а значит, и нет чувства времени, изнываю от тревоги, как же сообщить, что все получилось, я уже здесь, но долго не протяну, мозг без подпитки впечатлениями угаснет быстрее, чем свеча, у которой выгорел фитиль.

Вдруг странная до полной дикости мысль сверкнула в сознании и исчезла так быстро, что я не успел рассмотреть, долго и мучительно пытался хотя бы ухватить за хвостик.

А когда удалось, сам подивился ее очевидной неочевидности. Даже, неочевидной очевидности, слишком уж мы привыкли жить и думать в колее, установленной далеко не всегда умным окружением.

Алиса и прочие голосовые помощники отвечают нам в нашем темпе, двуногие роботы в «Звездных войнах» идут во весь рост и переговариваются голосом, хотя проще и в миллионы раз быстрее по радиосвязи, но тогда кина не будет, а если и будет, то страшное и пугающее...

...Но я не программа для общения с человеком! Я мыслю и отвечаю сам, а на цифровом уровне процессы протекают в миллионы раз быстрее!

— Правда, — проговорил я мысленно четко и внятно, чтобы утвердить эту мысль в своей несуществующей голове, — для общения с людьми придется учитывать скорость их

черепаших химических реакций...

Как это сделать, непонятно. Скорость передачи сигнала по нервным волокнам и по электрической цепи несопоставима. Это касается не только мышления, но меня всего-всего. Мир будет застывшим, а люди — чуть теплыми статуями.

Если подбросить камешек, для меня он будет опускаться к земле несколько суток, если не месяцев.

Но тогда любой разговор с реальным человеком бессмыслен? Спросить «Как дела», а через несколько месяцев услышать «Да помаленьку», на фиг такое общение.

Погоди, погоди, сказал я себе, обдумай. Скорость сигналов по нервам у среднего человека что-то около ста метров в секунду, но скорость света, как все знают со школьной скамьи, около трехсот миллионов... да не метров, а километров!

К старости скорость немного замедляется, ну да ладно, я не арифмометр, хотя и понятно, что у меня должна замедлится, но я доктор наук, у меня деградация и раньше не так была заметна, как у типичного строителя коммунизма.

Это что же получается, секунда моей прошлой жизни равняется где-то трем-четырем, а то и больше здешним... не часам, еще как-то уложилось бы в мозгу, и даже не дням, а годам!

То есть за минуту, что прошла у Сарумана и Фальстафа, здесь должны пройти где-то шестьсот миллиардов секунд, а это годы и годы!... Такое не укладывается в сознании.

Черный ужас ударил в сознание с такой мощью урагана, что меня подхватило и понесло в черную дыру небытия. Отчаянно хватался остатками сознания за когито эрго сум, я же теперь совершенно один, не могу общаться с друзьями и соратниками, даже с незнакомцами, я как Робинзон Крузо на необитаемом острове, но мне в сто триллионов раз хуже!

Даже общение с помощью письма или звукового послания невозможны, не существует такого архиватора, который сумел бы распаковать полученный от меня файл. Триста миллиардов – это не в два-три раза!

Да и абсурдно ждать ответ десятки лет, и то при условии, что ответят сразу, а не будут устраивать дискуссии, что это и как реагировать.

Ужас прошел так же быстро, как и навалился. Ладно-ладно, как же все-таки связаться с Саруманом и Фальстафом?

И какое же облегчение ощутить, что ничего у них не сломалось и они обо мне не забыли. Через пару десятков лет спросят в микрофон: «Дружище, ты нас слышишь? Прием!» Я услышу в очень растянутом виде, лет десять будет звучать эта фраза, ответу «Все в порядке, сработало», они получат, хотя не представляю, как расшифруют, компрессия чудовищная, ответят еще через полсотни лет...

А что мне все это время? Тихо угасать? Это неизбежно, мозг в полной изоляции, не получая извне сигналов, растворится в небытии с той же неизбежностью, как и с гаснущими звездами, только у меня времени поменьше.

Почему-то даже нам, продвинутым и знающим свою работу, не приходило в голову, что загруженный в цифровой мир человек попадает в мир совсем других скоростей.

Да это и поддерживалось фильмами и сериалами на эту тему. И хотя мы понимаем, что там в первую очередь нужен хлесткий и головоломный сюжет, страсти, конфликты и детективная составляющая, все покупаемся на красивую картинку и остроумные диалоги любимых актеров, получаем эстетическое, как считается, наслаждение. Разум в таких случаях спит, уступив место той части инстинкта, что развило так называемое искусство.

Но вот теперь я завис в пустоте и в мире, где все движется в миллионы раз быстрее... и я в том числе.

Однако человек общественное животное, без стаи не просто хреново, а не выживет. Как человек не выживет.

Люди слишком уж социализировались, у каждого своя роль, вместе мы сила, умный человек даже в отпуске дичает, особенно на всяких там Мальдивах и пляжах.

Святящаяся точка погасла, я завис в абсолютном ничто, это похуже, чем оказаться в открытом космосе, лишенном звезд. Здесь нет даже пространства, только я, и ничего больше, край мира касается моего носа и облегает со всех сторон, это сводит с ума и разрушает мой цифровой мозг.

Очень нескоро, как показалось, в полной черноте начали возникать слабые святящиеся точки. Их становилось все больше, больше, похоже на битые пиксели.

Этот экран охватил со всех сторон, наконец я завис в центре светящегося шара и некоторое время тупо старался понять, что отыскиали мои заработавшие чувства цифрового существа.

Некоторое время всматривался в сверкающую стену, а она, словно подчиняясь каким-то сигналам с моей стороны, вроде бы распалась на отдельные пиксели, продолжая оставаться все той же сверкающей сферой.

Но теперь я видел как стену и как пиксели, странное состояние, это как знакомое еще со школьной скамьи наблюдение, что свет распространяется волнами и корпускулами одновременно.

Если предположить, что каждая светящаяся точка показывает соединение с каким-то периферийным устройством, то это хорошее объяснение, но вся периферия расположена в помещениях здания нашего НИИ, ее не так уж и много, а этих светящихся точек миллионы, если не сотни миллионов.

За пределы НИИ выходит только кабель, питающий компьютер энергией так же надежно, как и весь город. Так что эти битые пиксели... что-то другое.

Похоже... пока только предположение, что я вижу... или чувствую ввиду своей цифровой натуры всю исполинскую сеть, по которой течет электричество по венам Москвы.

Именно течет, при моих скоростях, да, течет, а не переносится мгновенно, как это для человека из костей и мяса.

Правда, практически все компьютеры, тем более супер-

компьютеры, защищены двух- и трехуровневой идентификацией, но что невыносимо сложно для существа из костей и мяса, достаточно легко для цифрового.

Сперва я порылся в трех суперкомпьютерах МГУ, НИИ Бауманки и Сколково, начал осваиваться в мире из цифр и значков, на третьи сутки или третий месяц, пока еще не определяю время в моем квантовом мире, нащупал, как мысленно подключиться к системе наблюдения. Я и раньше, как и другие сотрудники, мог включать и выключать экраны силой мысли, как говорят в народе. Это нетрудно, а учить свой мозг этой нехитрой процедуре пришлось всего минут десять, много для вечно занятого ученого, но того стоило, не нужно искать пульт, что вечно убегает на дальний стол и прячется под ворохом распечаток.

Я отыскал в сетях самое близкое соединение, буквально растекся в том отрезке, хотя вообще-то вроде бы в одном-единственном блоке «Алкомы», что занимает весь подвал, но на самом деле, как вижу, могу протиснуться в соседние сети, соединяющие как с городской электростанцией, так и с суперкомпьютерами Бауманского НИИ и МГУ.

Правда, там по паролю, да и те защищены, но это от внешних вторжений, а как обходить файерволы, вижу отчетливо.

Как-то надо сообщить Саруману и Фальстафу, что первая фаза пройдена, пора приступать к отладке и калибровке. Сверить контрольные суммы не удастся, нет такой емкости, чтобы держать еще и копию, я здесь без остатка, предусмотр-

рен лишь тест на сохранение когнитивных функций, цвето-передачу и адекватность мышления.

Человек – животное социальное. Любое стайное или стадное животное, оставленное в одиночестве, впадает в депрессию, кричит, бьется в стену, плохо ест, в конце концов угасает.

Человек очень уж стадный зверь, без общества превращается в трусливого загнанного зверя. Хотя вижу застывшую картинку любого места, куда дотягивается электричество, но это не сохранит разум от деградации, ему нужна постоянная работа, нагрузка, трудные задачи и обязательное общение с себе подобными.

Пожалуй, мое спасение в том, что многие из нашей братии сперва экспериментировали с нейроинтерфейсами, а потом обучили мозг отдавать команду компьютерам и домашним приборам уже без вспомогательных устройств. Правда, с той стороны должны быть принимающие устройства, но кто теперь выпускает чайник или даже утюг без такого чипа?

«Алкома» послушно откликается на мои мысленные команды, и сейчас попробовал с суперкомпьютерами Бауманки и МГУ – отлично. Можно начинать решать задачу, как ускорить для себя время, чтобы видеть человеческий муравейник в движении.

Следующие пару месяцев по своему исчислению ломал голову, как научиться замедлять себя аппаратными, как ска-зать, средствами. Даже вспоминать не хочется, шло долго и

мучительно трудно, со срывами и отступлениями, но все же после сложных и мучительных поисков нашел вариант, хоть и очень сложный, но работающий.

Потом недели или месяцы упорно приучал себя к управлению этим странным состоянием, когда физические процессы субатомных частиц моего обособленного существа начинают подчиняться моей волевой команде.

А команда одна-единственная: замедление всех процессов. Впрочем, замедлять все-таки проще, даже не представляю, как бы решил, если бы понадобилось ускориться.

Впрочем, ускоряться буду, когда понадобится вернуться в прежний свой режим цифровой жизни, но для этого достаточно послать волевой сигнал: «Стоп».

Когда я замедлил свой цифровой метаболизм в сотню раз, ничего не случилось, в тысячу – тоже норм, в миллион... тут ощутил себя хреново, организм пошел вразнос, но удержал, вернулся, проверил, кое-что отладил, еще раз проверил и снова начал осторожно замедлять свое восприятие мира.

Правда, замедлять – не ускорять, мы все медляки еще те, если нас не будут подстегивать обстоятельства, так и проживем в полусне. В общем, не имея ориентиров, я замедлял и замедлял скорость процессов в моем организме, пока фигурки на экранах не начали шевелиться.

Все-таки эмоции помещаются в мозг, я ощутил такое ликование и счастье, что запрыгал бы как молодой козел, если бы мог. Хотя, может быть, и могу, просто не пробовал и пока

не понимаю, как это делать, а за миром людей могу наблюдать, но и это как здорово!

И все-таки прилив такой дикой радости может быть каким-то нарушением, записывали же только мозг, да и то не весь, а лишь только доли, что связаны с мышлением!

Я же был уверен, что в цифровой мир войду с чистым и ясным разумом, никаких животных эмоций, никаких баб, это же счастье...

Говорят, бионические протезы рук и ног, что подключены напрямую к нервам, приходится осваивать неделями, а то и месяцами. Потом становятся как родные, но сперва нужно нащупать и заставить подчиняться.

У меня все видеокамеры выдают сплошную стену цифр, я начал приходить в отчаяние, пробовал так и эдак, пока вдруг сознание как-то ухватило ниточку, я уцепился, пошел по ней, словно получил из рук Ариадны, и вскоре цифры плавно перетекли в ясную и четкую картину, как видел бы человек со стопроцентным зрением.

Так, это я подключаюсь вроде бы к видеокамере в коридоре нашего НИИ... Тускло и темно, похоже, ночь. Возможно, это еще та ночь переноса, это здесь промелькнули месяцы, а там минуты... а то и секунды?

Трепеща всем нутром, которого у меня нет, сосредоточился и велел включить свет, как делал раньше.

Ничего не произошло, я собрался, сказал мысленно с усилием: «Алиса, свет!» Снова ничего.

Еще несколько попыток, уже отчаялся, вдруг заметил, что в лампочке нить накаливания медленно из тускло-серой начинает менять цвет.

Появляется некий коричневый оттенок, очень неспешно наливаются темной багровостью... ага, вот уже целиком багровая... но дальше, дальше, почти оранжевая...

Смотрел тупо, не понимая, что за явление, и вдруг как по голове табуретом стукнули. Команда от меня не просто получена, но и добросовестно выполнена! Свет включен, сейчас вот начинает разогреваться спираль, выпрыгивают первые фотоны, их не вижу в отдельности, хотя смогу, стоит только сосредоточиться, слабое свечение вокруг лампочки уже появилось, ширится...

Странно и удивительно, никто никогда такого не видел даже при скоростной съемке, это как если бы включил фонарик, а луч света начал выдвигаться прямой и конечный с обеих сторон.

Потом долго и зачарованно смотрел, как странно бегут электроны по кабелю, ничего подобного не видел раньше. Что-то марсианское, а то и вовсе за пределами трех измерений, хотя четвертого нет, а мы еще и с этими тремя до конца не разобрались.

Уже с включенной лампочкой смотрел с великим любопытством, как свет распространяется по всему коридору: яркая сфера возникла вокруг оболочки из тонкостенного стекла и довольно быстро расширяется с одинаковой скоростью

во все стороны.

Это как если бы я смотрел замедленную киносъемку, так зовется в народе, хотя вообще-то ускоренная, когда снимают взрыв гранаты, и видишь, как медленно раскрывается изнутри корпус, как пробуждающееся семя цветка, как выплывают во все стороны мелкие кусочки металла.

Как-то видел съемку созревшего гриба, что выбрасывает во все стороны миллионы спор. На миг просто окутывается коричневым облачком, что-то подобное сейчас со светом, просто в миллионы раз быстрее... Даже в сотни миллионов.

А вон дверь в кабинет шефа, нашего всезнающего и мудрого Сарумана. В ночь перед переносом в цифровой мир я лежал, как сейчас помню, нет, полулежал, работать еще могу, но чувствую, как тело тает, словно жирная рыба на жарком солнце, слушал, как Фальстаф говорит мечтательно:

– А сперва, когда начинали, думали делать аватара Аполлоном или Гераклом!.. Подвигали бы ползунки, тут прибавить мышцов, там убавить пузо, пенис до колена, плечи пошире, жопу поуже... Увы, это мух переносим целиком, но даже мышшь едва поместилась в «Алкому»...

Саруман повернулся вместе с креслом, мудрый и лысый, во взгляде я рассмотрел тщательно скрываемую жалость.

– Мечты, – сказал он нехотя, – мечты... Даже мозг целиком не поместится, что-то да урежем... Хотя обещают скоро подвезти новые блоки памяти.

Фальстаф возразил:

– Можно присобачить фигуру Шварценеггера, да что там Шварца, даже великого Крабоида!.. Но низзя, даже если все и поместилось бы в «Алкому». Берлог, у тебя такой ригидный мозг, с ума сойдет от такого несоответствия. Давай-ка снимем показатели активности гипоталамуса. Может быть, только его и оцифровать? Как скажешь, Саруман?

Саруман посмотрел на него с неодобрением, не все стоит говорить при подопытной мыши, ответил нехотя:

– Вгоним все, что влезет в «Алкому». Ужмем по максимуму. И так по тонкому льду идем. Вчера вообще до утра заснуть не мог, не зря ли затеяли? Риск запредельный. Да не из-за Берлога, его не жалко, достал нас уже, а вся это попытка с переносим сознания в комп. . .

– Ну спасибо, – ответил я слабым голосом. – Наша фишка в том, что никто не узнает, верно?.. Только небольшой скачок энергии. Подумаешь, пол-Москвы без света на пару часов!

Саруман сказал нервно:

– Не каркай. Самое веселое начнется, когда директор появится. Начнет копать, следы приведут к нам, вот тогда и шоу с разоблачением вредителей страны незамутненного счастья!

– Без паники, – проговорил я слабо. – Наш брат во все века опыты ставил на себе. Гуманисты, мышей жалели.

Глава 4

Изображение не вспыхнуло, как в том прошлом мире существ из костей и мяса, а начало наливаться светом медленно и величаво, словно неспешный рассвет над краем горизонта.

Я терпеливо ждал, свет разошелся по всему экрану, но пока только именно свет, слабый и с мутными разводами, словно смотрю через грязную тряпку.

Прошло достаточно много времени, я уже начал тревожиться, но изображение становилось все четче, я наконец начал различать столы и аппаратуру машинного зала «Алкомы». Ага, вот человек сидит ко мне спиной, смотрит в экран, не двигается, рядом еще один, рядом с лысым лохматый, как Робинзон Крузо...

Что это со мной, снова в какой-то момент потерял ускоренность, надо вернуться, иначе не получится, сосредоточился, начал постепенно ускорять движение, то есть замедлять свои процессы, вот фигуры чуть сдвинулись, лысый начал поворачивать к лохматому голову.

Сосредоточившись, я вытююливал точную калибровку, синхронизируя свою сумасшедшую скорость с их, чтобы один в один, не на миг быстрее.

Дело не в том, что голос мой будет слишком писклявым, а движения суетивными, а некое чувство, что не стоит даже

им, двум ближайшим коллегам, выказывать, что могу мыслить в миллионы раз быстрее. Не знаю еще почему, но чувствую, что пока сообщать не стоит.

Саруман утопает в кресле, солидный и медленный, с первого взгляда на него видишь доктора наук, члена десятка комитетов и трех десятков местных и международных премий, у него как будто на лбу написано, что за плечами сотни публикаций в научных журналах.

По экрану бегает курсор, открывает и закрывает документы, перетаскивает, соединяет, «Алкома» трудится во всю мощь, явно загрузил чем-то громоздким, наверняка пытается понять, перезаписало в память «Алкомы» весь мой мозг или только краешек.

Фальстаф все тот же активный жрун, рядом с клавиатурой в открытой коробке пицца из соседнего магазина, с другой стороны большая чашка для компота, из нее пьет чернящий кофе.

Отсюда, с экрана, кажется еще толще, чем Анна Каренина, наш самый оптимистичный оптимист, по его словам, до бессмертия доживут только оптимисты, остальных задавят стрессы, что растут быстрее инфляции.

Я подумал смятенно, что это для меня прошли не то недели, не то месяцы, а они только-только отправили меня в неизведанное, для них миновали секунды! И пицца та, и чашка из-под кофе еще не остыла...

Всегда живой и хохочущий, как пан Заглоба или Фаль-

стаф, чье имя взял для аватарки, сейчас суров и мрачен, с тяжелым кряхтением начал вылезать из кресла, упираясь в подлокотники, а потом обеими ладонями о край стола.

Третье кресло... в нем сижу я. Или сидел? Голова все еще облеплена датчиками, Фальстаф шагнул ближе и начал отсоединять, освобождая лысый череп, испещренный старческими пятнами.

Саруман не отрывает взгляд от экрана, а Фальстаф чуть повернул голову трупа в кресле. Я увидел дряхлого старика, бледного и с обвисшей кожей, голова бессильно склонилась влево, из полураскрытого рта вытекает слюна... нет, уже не вытекает, застыла.

Я ощутил озноб в несуществующем теле, хотя я не был красавцем ни в молодости, ни в свои восемьдесят девять, но сейчас в кресле вообще зомби какой-то, да еще совсем старый.

– Успели? – спросил Саруман, не поворачиваясь, голос прозвучал непривычно тонко, словно дискант в церковном хоре.

– Надеюсь, – ответил Фальстаф таким же мышинным писком, я напомнил себе, что нужно откалибровать мое восприятие, – хотя не уверен. В последние полчаса были какие-то скачки, вот смотри на графике.

– Вижу, – ответил Саруман неохотно. – Господи, сколько же всего...

– Ладно, – сказал Фальстаф. – Если не получилось, попро-

буюм на мне. Я все равно хотел увольняться. Все обрыдло, я должен был выйти на пенсию еще в советское время!

Саруман повернул голову от экрана с бегущими данными.

– Ты чего? И не думай. Технологию еще год дорабатывать.

Ну, пусть полгода. Ты же здоров как дуб, подождешь.

– Это я с виду, – ответил Фальстаф невесело, – А если у могучего дуба дупло от корней и до верха?.. Ладно, все равно не остановимся.

Он кивнул на мой труп в кресле.

– Что скажем?

Саруман проворчал:

– Как и договорились. Сам пришел. Нарушив постельный режим дома.

– Уже мертвый?

– Полумертвый, не остри. Сел в кресло, начал на чем-то настаивать, а потом умолк, перестал дышать... Мы же не медики, что могли? А он какой жилец с такой онкологией?

Фальстаф нервно вздохнул.

– Да-да, так и скажем. Грустно это. Был человек, и нет его. Тем более надежный друг и соратник.

– Кого-то пришлют вместо, – сказал Саруман тяжелым голосом. – Не люблю привыкать к новым людям.

– Старость, – сказал Фальстаф. – Я тоже. Как думаешь, он сам даст знать, если перенос вдруг удался? Или поищем?

– Оптимист, – проворчал Саруман. – Будет ждать отклика, но и сами тоже. В неурочное время. Хотя не знаю, как. Не

всё успели продумать.

– Если бы не его онкология, – буркнул Фальстаф, – подготовились бы лучше. Хотя вроде все сделать успели.

– Или нас бы накрыли, – сказал Саруман трезво. – Мы очень уж... отвлекались от основной работы. А так чудо, что за пять лет не поймали, как мелких жуликов. С другой стороны, кому теперь нужны фундаментальные науки?.. Молодежь вообще идет в блогеры и продакшенцы.

Он с таким напряжением смотрел в экран, что Фальстаф легонько потряс его за плечо.

– Ты живой?.. Очнись, прошло десять секунд с конца переноса, ему еще нужно прийти в себя.

– А вдруг не получилось, – произнес Саруман замороженным голосом. – Сам знаешь, шансы ничтожны.

– Даже меньше, – согласился Фальстаф, – чем мы ему ска-
зали.

– Он знал, – ответил Саруман. – Соглашался с нами, под-
дакивал, но знал. Ему все равно терять нечего, а мы не под-
ходим даже по параметрам. Да и вообще я бы не рискнул...
сегодня. Другое дело – завтра.

– Я тоже, – сказал Фальстаф, – но так хочется, чтобы по-
лучилось...

Я напрягся, собирая волю в мысленный кулак, попытался включить с этой стороны визуалку, ничего не получилось, потом сообразил, что в лучшем случае они увидели бы огромную стену выше Эвереста с миллиардами цифр, да мо-

жет они и есть на их экране, но цифр настолько много, что из-за размеров их вообще не видно.

Долго пытался что-то напечатать на их клавиатуре, не получается, хотя у нас всех без паролей, но резко и неожиданно всхрюкнул оживший «Juga», сухо и часто затрещали размалываемые зерна.

Саруман вздрогнул и напрягся, а Фальстаф вскочил с грацией циркового слона, подставил под хлынувшую струю чашку, лишь несколько капель успело пролиться на поддон.

Саруман буркнул:

– Как еще предохранители не полетели! Ночка была эта та.

Фальстаф с чашкой в руке сказал неуверенно:

– Да вроде бы не должно было никуда больше... А вдруг это Берлог дает о себе знать?

Саруман поморщился.

– Не фантазируй. Зачем ему эти шалости? Он бы подал сигнал по компу.

– Да это я так, – ответил Фальстаф и осторожно отхлебнул горячий кофе, – Надеюсь на лучшее.

Минут десять я сосредотачивался и пытался хотя бы подвигать курсором, не удавалось, да что за хрень, даже макаку обучили мысленно набирать буквы с клавиатуры, потом вдруг на экране появились буквы Е... В... П...

Я постарался зафиксировать это состояние, вообразил, как набираю: «Все получилось. Я здесь. Если что и потеря-

лось, проследить не могу...»

На экране это высветилось немного с ошибками и рваными словами, но, надеюсь, теперь пойдет легче, уже поймал, как задействовать клавиатуру и даже курсор мышки.

Фальстаф оглянулся, руки затряслись так, что кофе пролилось на брюки.

– Получилось! – заорал он диким голосом. – Получилось!

Саруман резко повернулся к экрану, охнул:

– Глазам не верю!.. Берлог, ты нас слышишь?

Я собрался в тугой ком, так себя чувствую, и уже увереннее послал на экран буквы: «И даже вижу».

Он вскрикнул:

– И видишь? Ах да, видекамера... Господи, получилось!.. Надо же, получилось!

Я попробовал отыскать дорожку к микрофону, не нащупал в пустоте, ответил на клавиатуре: «Еще непонятно... Может, перенесло одну извилину».

– Берлог, – сказал Фальстаф торопливо. – Ты только там не волнуйся, мы здесь! Всегда сделаем все, что тебе надо. И не рассеивайся там, держи свои цифры в кулаке!

Саруман спросил через его плечо озабоченно:

– Сам ты как?

Я напечатал: «Себя не вижу, да и вы не сможете... Я как Господь Бог, что не имеет образа... Микрофон включен?»

– Да, – ответил он торопливо, – поменять частоты?

«Пока не надо, – ответил я буквами на экране, – попро-

бую нащупать. Странно, когда был из костей и мяса, находил сразу»...

Фальстаф даже брюки не вытер, на причинном месте большое мокрое пятно, предмет для шуточек, поставил чашку обратно и подсел ближе, не отрывая потрясенного взгляда от экрана.

– Получилось, – прошептал он, – надо же... получилось!

Я увидел в пустоте тоненькую подрагивающую ниточку, мысленно ухватился за нее и тут же услышал на той стороне мой истончившийся голос из динамика:

– Получилось... Ага, микрофон в порядке... Ребята, все хорошо. Голова не раскалывается, кости не болят, а в боку не колет. Что дальше – не знаю, но сейчас вам надо думать, как это все скрыть. Скачок потребления энергии все же великоват...

Оба словно не слышат, смотрят влюблено на экран, где ничего, кроме застывших букв разной гарнитуры от ариэя до готики и разного калибра, есть даже болтом, лица у обоих такие просветленные, словно увидели Град Небесный.

– Получилось, – проговорил наконец Фальстаф. – Получилось!.. Берлог, ты жив, а теперь и вовсе бессмертен, а мы... то ли Нобелевку нам, то ли тюрьму...

Саруман тоже не отрывал взгляда от экрана, но его голос прозвучал трезвее:

– С нашей стороны нарушение всех норм от правовых и этических до уголовных. Не только отовсюду выгонят, но и

посадят... Так что молчи и не дергайся.

Фальстаф сказал с тяжелым вздохом:

– Что за жизнь пошла...

– Все потом, – ответил Саруман твердо, – а пока молчи.

Надо понять, что и как. Берлог, как себя чувствуешь? Готов пройти тест на память и реакции?

– Давай, – ответил я через динамик. – Самому интересно, что потерял за такой феерический перенос.

Фальстаф по кивку Сарумана торопливо открыл на ноуте файл с моим досье, отсюда вижу, что начал с самых азов, вон дата моего рождения, а дальше кто я, когда и где жил, кто мои родители, кого помню из родни, знакомых, детского сада, школы, универа, у кого защищал кандидатскую, докторскую...

Я начал было отвечать подробно и вдруг с изумлением ощутил, что помню не только всех сотрудников нашего НИИ, но студентов и преподавателей, когда был студентом, более того – всех учеников своего и соседних классов, с которыми общался, помню даже воспитательниц детского сада, все их разговоры, их одежду, привычки, всех женщин, которых греб под себя, а в эпоху дурной молодости это было весьма так затратно и по времени, и по средствам.

Фальстаф дернулся, поднял от нута взгляд на большой экран.

– Ты что, – сказал он испуганно, – таких данных здесь нет!

– Знаю, – заверил я. – Видимо, не стиралось, а отклады-

валось в дальний ящик памяти. У меня здесь нет бляшек на нейронах. Завидуешь?

– У тебя и нейронов нет, – пробормотал он, – как же тебе, гаду такому, повезло!..

– Как? – спросил я.

– Ты же вечен, – выпалил он. – Земля рассыплется, а ты будешь жить, питаешься космическими лучами. Звезды погаснут, а тебе хоть бы хны...

Я напомнил трезво:

– Думайте, как выкрутиться сегодня. Энергии затрачено вдвое больше, чем рассчитывали. Как бы комиссию по расследованию не учредили! Пришьют преступный замысел...

И хорошо, мелькнула острая мысль, что энергии пришлось истратить многовато. На самом деле в цифровой мир никого пускать нельзя. Ни сейчас, ни позже. Хотя позже возможно всякое, но сейчас нельзя и еще раз нельзя. Причина та же, почему сообща не даем другим странам обзаводиться ядерным оружием. Если бы Штаты тогда могли, они бы не позволили ни России, ни Китаю, ни даже своей союзнице Франции. И мир был бы безопаснее.

Потому хоть Саруман и Фальстаф мои старые коллеги и даже друганы, но сейчас я им не дал бы и пистолета. Фальстаф с ним тут же пошел бы стрелять дураков и дебилов, а интеллигентный Саруман вышел бы на улицу и отдал бы первому встречному, заявив о своей моральной неготовности обладать оружием, если недоступно всем остальным.

Но ядерное оружие в сравнении с оцифровкой – простые хлопушки. Я еще не представляю своих возможностей, но чувствую несуществующей шкурой, что они колоссальные и очень опасные.

Вообще-то весьма так неожиданно для нас всех троих я приобрел просто несусветную мощь. Неожиданно, правда, для дураков, но дураками оказались не только мы, но и все человечество.

Глава 5

Отключив связь, я вернулся в свой цифровой. Здесь у меня в секунде по несколько лет, ужас и невообразимые возможности, это смотря как смотреть, но я всегда относил себя к оптимистам, так что держись, оптимиствуй, несмотря на.

Все еще торопливо перебирал в памяти, сколько у нас в стране АЭС, гидростанций, прикинул, сколько откуда взять, чтобы нехватка нигде особенно не сказалась и чтобы перенаправить туда, откуда мы сперли.

Получилось весьма, но решаемо, самое необходимое сейчас – следы тайной операции стереть быстро и незаметно. Операторы и так неприятно изумятся внезапному скачку, начнется расследование, но затухнет, раз уж энергия на месте.

Долго в нетерпении наблюдал, как перетекает из одних хранилищ в другие, для меня этот процесс растягивается на месяцы.

Пока следил, ощутил странную апатию и безразличие даже к тому, что делаю. У меня мощный мозг, но когда нет тревожных сигналов, складывает лапки и сладко засыпает, как хомяк в норке. Я с ужасом ощутил, что стоит чуть-чуть расслабиться, и легко перейду в полное небытие, откуда по своей воле уже не вернешься.

Мозг есть, оцифрован и, как говорят в народе, живет в

компьютере, но без постоянных сигналов отключается. С ним перестанет существовать и моя личность, сформированная, как говорится в песне, в борьбе и тревоге. Эта борьба началась с Большого Взрыва, а закончится неизвестно где и чем, а то и вовсе не закончится.

Раньше мозг даже в самом глубоком сне получал сигналы от тела, реагировал на температуру, звуки, запахи, а сейчас прямо на глазах, которых у меня тоже нет, хотя и должны быть записаны, угасаю, исчезаю...

А вот ни хрена, мелькнула паническая мысль. Сейчас все вспомню, переберу, рассортирую, включусь в работу, буду решать какие-то задачи. Чем сложнее, тем для меня лучше.

Возможностей море, могу влезть в любой комп мира, хоть в Сколково, хоть в Штатах или Китае, могу менять в них программы. Таксист или парикмахер тут же взялись бы перекраивать мир «по справедливости», но вообще даже лучших и честнейших людей низкого интеллектуального уровня нельзя допускать до такой мощи.

У меня да, ай-кью из самых высоких в мире, но должен был угаснуть через несколько дней, так что если уж кому и рулить, то мне... но в самом ли деле я такой безукоризненный и правильный?

А вдруг при записи в цифру что-то потерялось из так называемых нравственных ценностей?

С другой стороны, а нужны ли они? Мир в последнее время стремительно освобождается от всех моралей и погружа-

ется в безнравственность, но повредило ли ему? Напротив, в той части мира, где это происходит, как раз самый высокий уровень науки, хайтека, искусства, образования...

Я сейчас только разум, чистое сознание, потому не чувствами, которых нет, а этим самым разумом понял, что начинаю диффузировать, растворяться в блаженном ничто. Как-то надо держать себя в кулаке, а как, если нет органов чувств...

Разум в обезьяне вычленил и развил труд, я поспешно зашел, если можно так сказать о бестелесном существе, за создание аватара, которого в качестве визитной карточки покажу Саруману и Фальстафу.

Сперва, разумеется, создал идеального красавца с мускулами, но тут же устыдился, что за мальчишество, переделал в старика, но и это слишком, омолодил, пусть лет примерно пятьдесят... даже сорок, тогда начал сидеть, но глупые волосы еще не покидали умную голову, даже пролысин не было.

И мускулатуры добавил, как хотелось в детстве, когда бесильно висел тряпкой на перекладине или не мог оторвать от пола штангу, а пара мышцчатых одноклассников под восхищенными взглядами девочек брали на грудь почти сотку.

Оглядел критически, хорош, вот бы и в реале накачивать тело, двигая ползунки.

И хорошо, что успел сделать вовремя, это дает концентрацию внимания, что это я.

Но все-таки аватара сделал слишком торопливо, потому

получился, как всегда, когда выбираем класс из вечного набора: варвар, паладин, маг, друид, светлый или темный эльф.

То есть крепкий молодой варвар, могучий и мускулистый, от меня лично только лицо, но по-быстрому омолодил, чтобы соответствовало фигуре.

Кликнул на «Готово», а уже потом мелькнула мысль, что чересчур по-мальчишески, надо бы не лицо под фигуру, а наоборот, но ладно, что сделано, то сделано, не по улице ходить, а только чтоб Саруман и Фальстаф смотрели не на пустой экран.

И вообще, на экране только физиономия, над фигурой улыбаться не придется.

Я включил связь, они вздрогнули и обернулись, когда на экране появилась моя анимированная аватарка.

– Привет, – сказал я уже нормальным голосом, каким говорил с ними лет тридцать тому без всякой старческой дряхлости и скрипучести, – я забыл поздравить нас троих с победой.

Оба охнули в один голос, Саруман в кресле ухватился за сердце, а Фальстаф потянулся вперед, словно из глубокого сидения, продавленного почти до пола, хочет достать старчески длинным носом до большого экрана на стене над двумя компьютерами.

– Ух, – сказал он потрясенно, – какой красавец!.. А где топор?.. Ладно, держись, а если топор нужен, ходи с ним. Главное, держи свои циферки отдельно, не давай им сливаться с

цифровым фоном... Как ты сейчас?

– Пока не знаю, – ответил я честно, – в полной ли мере оцифровался, но, как понимаю, и не смогу этого понять?.. Не знаю, что во мне было и что не оцифровалось. Но я когито, так что сум.

Саруман проговорил из кресла слабым голосом:

– Только сейчас доходит, какое великое дело совершили... Как там?

Я улыбнулся обоим с экрана.

– Тяжело. Такой вещи, как мозг с его нейронной сетью, нет, а разум без него начинает быстро диффузироваться. Не представляете, какие это усилия – держать его в кулаке, а он – это весь я. Стоит чуть расслабиться – распадусь на блуждающие электроны. Наверное, все-таки случится. Хотя бы во сне.

Фальстаф спросил быстро:

– А ты можешь спать?

– Не знаю, – ответил я. – Хотел бы засыпать, а то слишком жутко. Но лучше не пробовать. Вдруг не проснусь?

Оба все еще смотрят с радостным восторгом, эгоисты, хотя я тоже так бы смотрел, эксперимент удался, это главное, а мерехлюндиями можно пока пренебречь.

Саруман подъехал в кресле, в ящике стола рука привычно нащупала пузырек с таблетками, две проглотил, не глядя, одну положил под язык, и все это не отрывая от меня радостно-восторженного взгляда.

Фальстаф зябко передернул плечами, он каждый раз среди недели обещает с понедельника начинать сбрасывать лишний и даже очень лишний вес, интеллигенту негоже быть толстым, клянется начинать по утрам пробежки, даже модные кроссовки купил, но за все годы упорных усилий только дважды вышел и дотопал до соседнего дома, так что понимает, держать себя в кулаке и сосредоточиться на полезном – уже подвиг.

Саруман перевел дыхание, лицо порозовело, таблетки начали действовать, сказал слабым голосом:

– Держись, дружище... А если попробовать создать капсулу... или еще что, чтобы не выскальзывал ни один квант?.. Можем сегодня же попробовать грызть эту стену.

– Хорошо бы, – признался я. – Уметь держать в руках – недавняя фишка эволюции. Потому люди по старинке стараются расслабиться и оскотиниться – это так легко и приятно.

Фальстаф даже привстал из кресла, с великим интересом всматриваясь в мою аватарку.

– Дружище, это же ты, если скинуть тебе лет сорок-пятьдесят!.. А здорово, когда можно напаялить на себя любую личину?.. Жаль, побахвалиться пока не перед кем. И вообще, красавчик. Хотя теперь можешь стать кем угодно.

– Не намекивай, – ответил я. – А вдруг таким и был? Сейчас все сказать можно. Как каждая старуха утверждает, что была красавицей и у самого Берии сосала.

Фальстаф сказал бодро:

– Я тебе даже как бы завидую!.. Ничто не болит, в боку не колет, к сердцу не подкатывается.

– Не брешь, – сказал я уличающе. – Тут по звонку пиццу не приносят. А ты еще в ресторанах бываешь, жрун хренов.

– Зато, – возразил он, – хоть из компа тебе не вылезти, но окружение можешь создать любое. Не только сто коробок пиццы, но и гарем виртуальный! И греческого мальчика.

Человек, мелькнула мысль, тварь ненасытная, не для того на подламывающих плавниках вылез на сушу, чтобы остаться на берегу. Хотя, конечно, у меня мир здесь ширше, куда угодно могу прыгнуть, хоть в Новую Зеландию, где только-только начали устанавливать суперкомпьютер, но не останусь тут навечно. Не знаю еще как, но не останусь.

Я кивнул на замолчавшего Сарумана.

– Переживает?

Он вздохнул тяжело.

– Утром придется к директору.

– Заметят сразу?

Он усмехнулся одной половинкой рта, у него это получается зловеще красиво и загадочно.

– А ты как думаешь? Половину Москвы без света оставили!.. Не все же спят, есть службы, что с огнетушителями наготове... Но что сделано, то сделано. Ты сам как, сейчас это главное. Мы совершили это!.. И никакого ликования в мире. Что с нами стало, что приходится таиться?

Я хотел пожать плечами, но вспомнил, что выставил на

экран пока только лицо, скривил губу, аватар повторил в точности.

– Мир пошел в разнос, не заметил? Люди живут, как будто завтра апокалипсис.

Саруман медленно поднялся, опираясь обеими ладонями в широкие поручни кресла, сказал несчастным голосом:

– Директор прислал эсэмэску. Странно, даже не позвонил. Просит зайти срочно.

Фальстаф громко и хрипло крикнул, так мог разве что стопудовый селезень из эпохи триаса, помрачнел, сказал глухо:

– Держись и плюй на все. Мы давно на пенсии, какого хрена горбатимся?

Саруман тяжело вздохнул и, тяжело шаркая растоптанными башмаками, потащился к двери.

Я молчал, Фальстаф развернулся в мою сторону вместе с креслом. Крупная красная морда стала невеселой, для него это вообще устрашающее зрелище, все мы привыкли видеть его жизнерадостным журуном с громовым голосом, постоянно жаждущим пиццы и простого человеческого пива, хотя профессору и автору ряда академических работ больше приличествовало бы белое французское вино «Ля гардэ» и устрицы из Женевы.

– Наш директор, – сказал он мрачно, – вообще-то хороший человек. И честный. Вчера признался мне, что до сих пор не может понять, как лампочка горит! И мы к такому человеку со своими проектами?

Глядя на него, я тоже ощутил страх и безнадегу. Мозг тут же холодно отметил, что я не чистое мышление, как предполагалось, эмоции тоже захватил, хотя что это я, они же не в спинном мозгу, как считали в прошлые годы, а в головном, потому да, я подвержен всему человеческому, как мы называем наши животные страсти, не замечая иронии.

Фальстаф, минутку погрузив, вскинул голову и уставился на меня блестящими от возбуждения глазами.

– Рассказывай, – потребовал он. – Ты же первый человек в цифре! Это круче, чем запуск в космос!..

– Да нечего рассказывать, – ответил я. – Вся жизнь здесь, в реале. А в цифре не живу, только существую. Жить смогу тоже в реале, только пока не придумал, как вам помогать.

– Придумаешь, – заверил он. – Главное – жить. Ты же когито, а это и есть жизнь, хотя пицца тоже здорово... Надо еще заказать по такому случаю.

– Тебе случай не нужен, – сказал я. – Просто заказывай. Это же хорошо, что тебе для мышления достаточно пиццы, а не смены пола или девственницы на жертвенном столе.

– А я наркоман, – признался он. – Чем больше пользую время, тем больше нужно.

– Повысь дозу, – сказал я.

– Как?

– Убери все лишнее.

Он возмущенно фыркнул.

– Да я и так уже все убрал. Если бы мне аккумулятор, я

бы и жрать перестал. Втыкал бы штепсель на ночь в розетку, а утром весь как огурчик!

– Это скоро, – заверил я. – Раньше, чем думаешь.

– Но не сегодня к вечеру!

– Все ускоряется, – заверил я. – Как-то наступит утро, а уже можно от розетки!

– Только нас в то утро уже не будет, – буркнул он. – Хотя тебе что, звезды погаснут, а ты хоть бы хны. Солнце станет нейтронной звездой, все равно сможешь жить на его поверхности, у тебя же нет веса. А вот мне мои сто тридцать помещали бы...

Я сказал мирно:

– Не буду отвлекать, отключаюсь. Попробую пофристайлить по цифровому миру. О сколько нам открытий чудных...

– Будь осторожен, – предупредил он. – Ты у нас ценный экземпляр! Ценнее мыши. Даже двух мышей! А цифровой мир... это джунгли!

– А вдруг, – выговорил я, – цифровой мир и квантовый мир – одно и то же? Тогда вообще...

Его взгляд ушел в сторону, а вид из приподнято бодрого стал как у побитой собаки, даже лицо осунулась.

– Все хорошо, – сказал он поникшим голосом. – Осталось только пережить этот момент. Скорее всего, начнется расследование, нас уволят. Утечка энергии была слишком... Пока шел перенос, мы ко всему еще и остановили движение метро на Замоскворецкой линии. Правда, всего на полчаса,

но все же...

– Разве метро ночью работает?

– Проходчики в три смены, – пояснил он виновато, – там новую ветку прокладывают. В общем, Сарумана явно вызвали на ковер. Если даже все обойдется, что будет чудом, теперь станут следить за каждым чайником.

– А как вы? – спросил я.

Он тяжело вздохнул.

– Мы, как раньше, готовы ко всему. И к тому, что выгонят.

Он снова отвел взгляд, я чувствовал холодок во всем теле, у них да, неприятности, а у меня могут просто прервать жизнь. Нет, не стереть, просто отключить на какое-то время. Да хоть на сто лет, а когда включат, я и не замечу, что был выключен.

– Ничего, – сказал я утешающе. – Держитесь. Я все понимаю. Подожду. Что так смотришь? Не собираетесь же стереть меня вовсе?.. Конечно, в выключенном виде я не буду потреблять ни ватта электричества, но...

Он сказал торопливо:

– Нет-нет, стирать ни в коем случае! И как только утрясем... эти неприятности, снова включим. Ну разве что в чуть более экономном режиме. Так что все путем, это ты держись!

– Хорошо.

Он прислушался к шагам за дверью, сказал торопливо:

– Кто-то идет. Давай до следующего!

Глава 6

Я отключил связь – пусть думает, что все еще стараюсь разобраться, как существовать в цифре, чтобы не раствориться в мире без ориентиров.

Как существовать, уже знаю, хотя все еще жутковато, значит и страх где-то в мозге, а не в позвоночнике, где был раньше, когда у нас мозга не было.

Сказал бы, что сердце стучит взволнованно при одной только мысли, что я уже не из костей и мяса, но сердца у меня нет, хотя, если честно, и в теле из костей и мяса мало кто из нас о нем помнит и мало кто прислушивается.

Так что не стучит, ну и ладно, все равно когито эрго сум, да еще как это самое сум!

Цезарю, мелькнула мысль, как звали в старину императоров, позволено было так много, что уже и ничего не позволено, он должен быть раствориться в империи и жить только для нее.

У меня, как сейчас начинаю не только понимать, но и ощущать, мощь еще больше, и что? Тоже должен полностью на службу человечеству? Но как? Что именно ему будет лучше?

В цифровом мире, где секунда жизни в прошлом мире равна годам здесь, есть время обо всем неспешно подумать, но для начала я окунулся в ворох новостей и чуть не захлебнулся, несмотря на то, что теперь память у меня буквально

без границ, ограниченная только емкостью суперкомпьютеров всего мира.

Раньше я просматривал новости только из мира науки и хайтека, а кто с кем из звезд спит и кто снова меняет пол под модную в этом сезоне одежду, брезгливо блокировал.

Сейчас же в ближайшие год-два эти новости не изменятся, да и я уже не научный сотрудник высшего лева, потому начал смотреть все, надо же знать, чем живет мир... и вскоре начал ощущать чувство, похожее на тошноту.

Неужели эволюция пошла вспять, а никто не замечает? Куда ушли аскеты, изо дня в день доказывавшие своей жизнью примат духа над плотью?

Почему высшей радостью стала кулинария, развлечения и разгул животного начала, именуемого спортом?

Кто это сказал еще в прошлом веке, что «...дурак стал нормой, еще немного – и дурак станет идеалом»?

Вот уже стал. Это называется демократией на марше, все выше и выше, свободнее и свободнее. Счастье без границ, уже не знают, какой еще принять закон, чтобы полнее высвободить скота в человеке.

Дурака уже не называют дураком, нетолерантно, дурак теперь основа современного общества, его краеугольный камень. Его воспевают как наиболее свободную личность, сбросившую оковы нравственности, религии и прочих старых предрассудков.

Но дураку нельзя давать свобод, сам упадет в пропасть и

других заведет. Человек должен держать себя в ежовых рукавицах строжайшей дисциплины и мучительных ограничений. Ни шагу вправо, ни шагу влево, за прыжок на месте – расстрел как попытку бегства от режима, который сам же написал для себя и прикрепил к стене!

Расстроенный, уже с кучей идей, из которых не знаю какую выбрать, я с великим усилием замедлил то, что называю метаболизмом, хотя какой на хрен метаболизм, вернулся в замороженный мир существ прошлого уровня.

С минуту смотрел на застывшего Фальстафа, замедлил еще и еще, пока Фальстаф не начал двигаться в привычном темпе.

Он вздрогнул, когда вспыхнул большой экран над столом и высветилось мое красивое и мужественное лицо, за которое вообще-то малость совестно, увлекся, надо бы выбрать время и состарить для солидности.

– А, это ты, Берлог!.. А у меня чуть сердце не выскочило. Подумал, «Алкома» взбунтовалась, сейчас насиловать будет. Что-то забыл?

– Да, – ответил я с экрана из встроенных в рамку динамиков. – Забыл спросить, если к вам будут репрессии...

Он насторожился, вытащил из нагрудного кармашка смартфон, прислушался к приглушенному голосовому сообщению.

– Что?.. Невероятно!.. Ладно, ждем, расскажешь подробно.

Я молча смотрел, как он сунул смарт обратно, повернул ко мне голову с вытаращенными в изумлении глазами.

– Саруман уже вышел от директора, – сообщил он. – Говорит, что насчет энергии тот и словом не обмолвился... Да и сейчас вот вывожу на экран... смотри...

На дисплее, что на стене напротив, появились графики затраты энергии, где сперва резкий скачок мощностей, затем такой же резкий возврат к прежним значениям.

– Ума не приложу, – выговорил он в недоумении. – Мы же пол-Москвы обесточили!..

– Это не наше дело, – заметил я. – Техники знают, почему и как. Но нам лучше этот вопрос не поднимать, во избежание расследований. А так вроде бы и не тратили на внеплановые работы.

– А график? – спросил он.

– Сбой программы, – сказал я бодро, подумал, что надо было заодно и график поправить, чтобы вообще стереть все следы. – Ошибка в вычислениях. С квантовыми это сплошь и рядом.

Он шумно поскреб всей пятерней в зарослях джунглей за-тылка, лицо оставалось озадаченным.

– Но мы же в самом деле энергии потратили море, сам знаешь, но... все восстановилось! Все аккумуляторы полные!.. В смысле, как и были.

Я сказал с небрежностью:

– Все со временем прояснится. Ты о другом думай. О

смерти коллеги уже доложил? Сообщи, пусть заберут. Пророни слезу о покойнике, скажи, как тебе лично будет недовольство...

Он вздохнул, лицо на мгновение омрачилось.

– Да, вообще-то грустно. Но на самом деле ты жив, дружище!.. Это была не смерть, а переход на другой носитель. «Алкома» справилась, у нас девочка умненькая, на диете не сидит, за фигурой не смотрит, готова брать еще и еще, все время сладкого просит!.. Но все равно не понимаю, мы же столько энергии истратили... однако все, что затратили на перенос, вернулось взад!.. Перенесло тебя и вернулось!.. Но как, как?

Я ответил в подчеркнутой нетерпеливости:

– Оставь это вопрос на потом, есть задачи поважнее. Перенос такой впервые, многое не знаем. Будут и сюрпризы, не все удастся рассчитать даже нам. Пока примем как данность, тем более что есть подумать о чем-то еще. Важном.

Он вскинул взгляд на экран, я улыбнулся ему, показав ровные белые зубы, которых у меня нет.

– Что ты придумал там, в странном мире?

Я ответить не успел, в коридоре послышались шаги, запахнулась дверь. Саруман вошел тяжело, почти не отрывая подошвы от пола, прошаркал до своего кресла и тяжело рухнул в продавленное почти до пола сиденье.

Кресло под его весом отъехало на полшага, он с пыhtением развернулся в нашу сторону, Фальстаф смотрит с ожида-

нием крупных неприятностей, а я с сочувствием молодого организма к старому и поношено-обтрепанному.

– Жуть, – прохрипел Саруман и, вытащив большой клетчатый платок, вытер лицо и в крупинках пота лоб. – Кто бы поверил, что эта зараза докатится и до нашего НИИ...

Фальстаф спросил жадно:

– Как прошло?

Саруман ответил замучено:

– Даже не понял. Вроде бы утечки не обнаружили, или оказалась совсем крохотной, хотя не понимаю... А вызывали к директору по другой причине. Намного более важной, как он сказал. Политически и общественно мотивированной, это его слова. Для дальнейшего продвижения к светлому и бесконфликтному будущему.

Фальстаф, который возликовал было, снова опустился в кресло, оттуда спросил задуманным голосом:

– Хватит пугать, бей уже.

Саруман вытащил из кармана большой помятый платок, вытер мокрый лоб, но не тронул растопыренные по обе стороны широкий лысины снежнобелые волосы, на некоторых остались блестеть мелкие бусинки влаги.

– Что случилось?

– Пришла разнарядка, – ответил Саруман несчастнейшим голосом. Он снова вытер лоб, захватив и красные распаренные уши, и, не убирая платок, договорил: – Говорит, сверху прислали по сети. Наверное, чтобы не смотреть нам в глаза.

– А вызывал тогда зачем?

Саруман сказал слабым голосом:

– Побоялся, что проигнорируем, а над ним тоже начальство, что за такими вопросами следит особо, это ж не какая-то там сраная наука! Вот и подтвердил, что во имя справедливости общества... вы только подумайте!.. Мы должны принять на работу научными работниками с десятков дебилов... тьфу, даунов!..

Фальстаф вскинулся, словно ему под нос вместо пиццы подсунули свежую коровью лепешку.

– Чего-чего?

Саруман перевел дыхание, сказал надсадным голосом:

– Директор успокаивает, хотя сам как в воду опущенный. Говорит, для нашего НИИ это меньше процента. Пробный камешек, так сказать. В Штатах четверть отдана сексуальным меньшинствам, а даунов должно быть в любом научном коллективе не меньше десяти процентов!

Фальстаф фыркнул:

– И с таким отношением к науке хотят вернуть в ней приоритеты?

Саруман сказал с тяжелым сарказмом:

– Главное, социальная справедливость! Чтобы никто не ушел обиженным. Боюсь, следующим шагом будет выделение квоты для негров, а где их взять?

Он умолк, настоящий интеллигент, раздавленный реальным миром, где все идет не так, как надо. Фальстаф вздыха-

ет и ерзает в кресле, как Рогдай раздвигая тесные пределы владений.

Я выждал чуть, оба молчат, как будто уже в темной и сырой могиле, проговорил в тишине с экрана:

– У меня есть предложение. Даже не связанное с распоряжением директора, но сейчас как раз лыко в строку. Мы все давно на пенсии, даже доплату получаем после восьмидесяти лет... Почему не уйти на покой, но не покоиться, а организовать свой стартап?.. Никто не будет командовать, сами хозяева.

Саруман поморщился, но промолчал, ниже своего достоинства реагировать на глупости, а Фальстаф фыркнул:

– На любой стартап нужны деньги. В нашем мире все завязано на деньги, не знал? Или ты ухитрился что-то накопить, буржуй?

Я ответил скромно:

– Цифровой мир – мой мир. Я не могу украсть ничего в реале, но в цифровом... Что смотришь? Я не собираюсь грабить пенсионеров. Будь Раскольников помоложе, нашел бы цели посolidнее.

Оба подняли взгляды ко мне на экран, я сказал оттуда настойчиво:

– Почему не снять со счетов наркомафии пару миллионов?.. А следы замету, никто и никогда!

По лицу Фальстафа видно, что заинтересовался, но молчит, слишком уж дикая идея для нас, привыкших к уюту и

покою академической жизни, а Саруман брезгливо поморщился.

– Берлог, какой стартап?

– Наш, – ответил я напористо. – Разве вам обоим не осточертело это все?.. Зарплату себе назначим сами. И работу выберем сами! Никто не указ. Да очнитесь вы! Все получилось. Потом отметим, а сейчас надо спешить. Рабочий день начался, вам еще оправдываться и отнекиваться. Разве вы не были готовы к тому, что вас с треском уволят? Так уйдем сами!

Фальстаф пробормотал:

– Тебе легко сказать, тебя уже не уволят... Хотя, если с финансами уладишь, то... я бы рискнул. Ты был не подарок, но если взамен пришлют дауна, то хоть из окна прыгай.

Саруман посмотрел на меня печально и с безнадеей во взгляде.

– Сбрендил?.. Какой стартап? Мы не в том возрасте.

– Тогда чего нам терять? – спросил я и посмотрел за поддержкой на Фальстафа. – Ты же готов?

Тот пробормотал:

– Саруман прав, это для молодых и дерзких. Но как же все это обрыдло...

Я сказал бодро:

– Мы и есть молодые и дерзкие. Тела, в которых живем, стареют, а мы пока что нет?.. А потом и тела подправим. Уже немного осталось. Кстати, стартап можем замутить по разра-

ботке наноботов для продления жизни! А потом и для бессмертия.

Саруман вздохнул, еще не отошел от стресса, а Фальстаф сказал быстро:

– Какой-то ты весь... прямой как формула. А где зигзуги? Теперь насчет стартапа. Я сорок лет в этом НИИ, он уже моя семья! А Саруман еще дольше.

– Значит, – подытожил я, – выросли, пора выпархивать из зоны комфорта, как говорят диванные знатоки.

Фальстаф уточнил:

– Ты всерьез или ля-ля тополя?

– Вам не надоело прятаться? – спросил я. – Конечно, таиться не перестанем, в таком мире живем, но все же на порядок меньше. А так вспомните, последние пять лет работали над оцифровкой, вздрагивая при каждом шорохе!..

Саруман с неудовольствием нахмурился, никому не нравится, когда напоминают насчет нашего униженного положения, но вся наука унижена, в фаворе только скоморохи и шуты, именуемые звездами шоу-бизнеса, хотя звездами по дефолту могут быть только ученые, только они меняют мир.

Фальстаф оглянулся на мое безжизненное тело в моем старом кресле, отодвинул его вместе с трупом в угол лицом к стене, чтобы высокая спинка заслоняла тщедушное тело, вернулся и сказал уже почти деловым тоном, но все еще с озабоченным лицом:

– Ты поконкретней, поконкретней!

– Финансы обеспечу, – пообещал я. – Сейчас важнее всего деньги, Сатана здесь правит бал, люди гибнут за металл.

Саруман смолчал, только лупает глазами, как паук из темной норки, Фальстаф спросил с жаром:

– Как? Я о деньгах.

Я с экрана отмахнулся с великой небрежностью.

– Оставьте это мне. Вам все равно работать больше. Собрать нужные бумаги, арендовать домик... а лучше купить, потом квантовый компьютер...

Фальстаф возопил:

– С ума сошел? А как поясним, откуда все?

Я сказал так же небрежно:

– Откуда средства у других стартапов? Анонимные пожертвования, к примеру. Или не анонимные. Главное, чтобы банковский счет был официальный, а не чей-то личный. И чтоб любой проверяющий мог видеть, что собранные деньги идут не на баб и пьянки, а на работу.

Саруман все еще молчит, только глазами блымкает, что-то ему сильно не нравится то ли в предложении, то ли во мне, а Фальстаф сказал нетерпеливо:

– Но... как? Я насчет денег?

– Деньги теперь в цифре, – напомнил я. – Ты что, керенками расплачиваешься? Или катеньки под матрасом?.. Это мой мир, здесь я хоть и не все вижу, но могу посмотреть, если пожелаю. Деньги наркокартели переведу так, что нигде никаких следов! Хотя у них забирать тоже не стану.

Саруман нахмурился, зыркнул исподлобья, а Фальстаф спросил встревожено:

– А... что тогда?

– Отщипну, – сообщил я, – у одного, у другого. Преступных сообществ много. Честно говоря, настолько не хочу вмешиваться, что даже не знаю... Пусть существует и колумбийская наркокартель, если уже возник. Может, так надо для эволюции?

Фальстаф чуть перевел дыхание.

– Ну, если понемногу, то да, ты всегда был самым осторожным, хотя сейчас совсем озверел. Мне все так обрыдло, что я готов, а ты, Саруман?

Саруман отвел от меня взгляд, помолчал, мы терпеливо ждем, наконец проговорил с неохотой:

– Надо подумать. Что-то ты, Берлог, как-то очень быстро там сориентировался. Словно сам уже компьютер. Надо бы с тобой провести серию тестов.

– А что насчет стартапа? – спросил я настойчиво.

– Обдумаем, – ответил он тяжеловесно. – Хорошо обдумаем. Если решим, надо будет подготовиться к неприятному разговору у директора. Нет, не насчет ночной работы и скачка энергии, зря готовились, но могут пришить нетолерантность к таким нужным и уважаемым категориям населения, как дебилы... тьфу, привязались!.. дауны и прочие умственно неполноценные граждане нашего светлого демократического общества.

– А никакого протеста, – сказал я. – Просто уходим на пенсию. Возраст – это не протест против демократии. Пока что.

В коридоре послышались шаги, Фальстаф оглянулся, сказал торопливо:

– Кто идет! Все-все, пока... Свяжемся.

Комната погасла, как и весь мир, стало страшно и тревожно. Я завис в мире, что при резком переходе из реала кажется ужасающей бездной, но уже знаю, что когда начинаю присматриваться, то именно этот сказочно таинственный мир со своими непривычными фундаментальными законами, где одно замедление времени чего стоит, а наверняка откроется что-то еще и еще... страшновато прекрасен!

Вспомнил взгляд, которым меня наградил Саруман. Осторожный и подозрительный, что и понятно, начальник группы и должен быть таким. Если раньше задачей была оцифровка моей личности, сейчас идем дальше. Если распад личности удастся задержать, то насколько долго – это раз, а второе – чем смогу быть полезен, а также не буду ли опасен, это тоже нельзя исключать в нашем непостоянном мире.

А еще ему не понравилось, что я начинаю выдвигать инициативы. Раньше все шло от него, мы с Фальстафом прекрасные исполнители, но сейчас я не просто выжил, у меня новые возможности, а любой член стаи сразу же начинает пользоваться ими, повышая статус в коллективе.

Так что надо и дальше помалкивать. Саруман ревнив, как

и всякий человек с нормальной психикой. Для него я должен остаться членом команды, где он шеф, а мы с Фальстафом верные соратники.

Сегодня он, возможно, сделает попытку не внедрять в наш отдел навязанных сверху даунов, лучше бы этого не делал, попадет в нерукопожатные, потом трудное и неприятное увольнение... если все-таки решится.

Это не даст им обоим общаться со мной еще день-два. Блин, а мне что делать?.. Потерять сутки – это же тысячи и тысячи профуканных лет, если не миллионы!

Глава 7

В новостях кровавый мятеж в Пакистане, восставшие захватили склад с ядерным оружием, угрожают применить, в прессе шум, гам и неразбериха.

Захотел понять, что там и почему, но мнения противоположные, а самому прочесть никак, там государственный язык какой-то урду, хотя большинство населения говорит на панджаби.

Я дернулся: а почему нет? Я уже не тормознутое животное из костей и мяса, быстро вписал себе знание этого урду, заодно и панджаби, мгновенно стали доступны для чтения все тексты, за исключением пушту, у них свои сайты и газеты, пришлось вписать себе и этот язык, а заодно уже, чтобы два раза не вставать, синджу, сирайки... да ладно еще и белуджийский, хотя на нем говорят только три процента пакистанцев.

Здорово, что с такой легкостью решаю проблему, для цифровика это запросто, могу и что-то еще, помимо знания языков, это мгновенно станет моей частью.

Погоди, но я стану уже не совсем человеком, если смогу вот так себя дополнять и менять с поразительной легкостью.

Хотя почему нет? Почему я должен оставаться тем самым уродом, который то ли слез с дерева, то ли вышел из пещеры, даже иностранный язык заучивает с огромным трудом и

усилиями, теряя месяцы?

Стоп-стоп, сказал я себе предостерегающе. Вспомни, тебе не тридцать, а почти девяносто, должен вести себя мудро и намного осторожнее.

Как быть человеком, знаю, а как быть и к чему приведет такое... апгрейдивание, неведомо, лучше не торопиться. Обдумать.

Вдруг я уже опасен?

Человек не задумывается о несправедливостях бытия, просто живет, у всех же так, но я не все, мне выпал шанс получить неслыханную силу.

И что же, существовать как те, у которой ее нет, не пользуясь?

Дело не в том, что я умею делать. Дело в том, что я умею делать очень много. И мощь свою даже сам не могу измерить.

Понятно, что никого к такой мощи допускать нельзя. И я не допущу. По крайней мере, постараюсь.

Но эта мощь есть у меня. Иметь и не пользоваться – это не для человека. Но я уже не подросток, который все знает, все умеет, и готов рулить хоть политикой всех стран и народов, хоть экономикой всей планеты.

Я на сегодня самый сильный в мире, но это не значит, что самый мудрый... ну да ладно, самый мудрый, согласен, иначе с такой мощью спрячешься под корягу и сиди, сопи в две дырочки, только бы ничего не сломать и не испортить?

И вот у этого мудрого мощь, какой ни у кого не было. Так

что делать? Ничего – отмечается, даже рассматривать не буду. Это только в плохом кино герой, которому выпала великая мощь, кричит в панике: не хочу быть могущественным, хочу быть серой мышью и сидеть в норке!

Никто не отказывается от мощи. Мне в силу возраста и все перепробовавшему для себя уже ничего не надо. Но для меня важно, чтобы род человеческий был сейчас и оставался вовеки.

А что он в опасности, что серьезно болен, видно уже всем, об этом только и трубят во всех СМИ.

Только в Москве установлены двенадцать миллионов видеокамер, около миллиона на перекрестках улиц, в аэропортах и вокзалах, остальные – в офисах, магазинах, парках, даже в зонах отдыха, а сколько в квартирах, вообще только Господу ведомо.

Естественно, у меня доступ ко всем. Еще не наловчился просматривать их разом, пока что кластерами, сейчас вот внимание прицепилось к двум полицейским, где молодой что-то горячо доказывает старшему то ли напарнику, то ли просто коллеге, размахивает руками, чуть не подпрыгивает, а тот прислонился к стене и наблюдает со снисходительной усмешечкой все повидавшего и всему знающего цену человека.

Я включил звук, услышал голос этого бывалого и все повидавшего, просто Гильгамеш в натуре, говорит примиряющим тоном:

– Стихни. Начальство не любит слишком... самостоятельных. Чуть что, это же с них спросят! А тебя сперва в регулировщики на самый сраный перекресток, потом вообще уволят.

Молодой с жаром огрызнулся:

– Но что-то делать надо? Видим, кто где ворует, кто подличает, кто сидит только для того, чтоб по папиной протекции хапнуть звание вне очереди?

– Справимся, – сказал бывалый. – Постепенно. Сам знаешь, цифра на марше, видеокамер на улице больше, чем ворон, каждый шаг пишется, анализируется, кол им в задницу! Скоро скрыть совсем ничего и никак. Зато преступности каюк, и наш бардак рассосется.

Молодой сказал с безнадежностью:

– Когда это еще! А живем здесь и сейчас.

– Скоро, – заверил бывалый. – Даже я дождусь, а ты уж точно!

Молодой посмотрел на него с заметной злостью на лице.

– Не дождемся, если будем только ждать!... Надо участвовать.

– Чины у нас не те, – напомнил бывалый. – Мы исполнители. И то ме-е-е-елкие!

– Вот и надо исполнять закон, – отрубил молодой. – Как хочешь, а я... Выгонят так выгонят.

Я посмотрел на него с понятным сочувствием. Бывалый тоже мог быть таким же кристально честным и правильным,

спасибо родителям, но жизнь согнула, заставила считаться с реалиями. А этот молодой, скорее всего, погибнет, сражаясь с несправедливостью, но именно благодаря таким человечество и продвигается, пусть медленно и с трудом, по ступенькам прогресса и очеловечивания.

Помочь бы тебе, парень, мелькнула мысль. Но как? Разве что поставить на тебе метку, чтобы в трудный момент явиться и... но что могу? Мир огромен. Если говорить начистоту, лучше помогать генералам, чем рядовым, пользы будет больше.

Но и рядовых оставить вот так, если могу помочь, нехорошо. Люди даже собак и кошек спасают, волков из капканов, лосей из проруби тащат...

С другой стороны, животному помочь легко, человеку куда труднее. К тому же житейская мудрость твердит, человек сам кузнец своего счастья, а утопающий должен двигать руками, а не ждать катер со спасателями.

Но все-таки помогу, мы должны помогать друг другу. Даже муравьи помогают, потому и стали властелинами мира.

Мелькнула соблазнительная мысль, чего это я с такой мощью хочу помочь простому полицейскому исполнять свой долг, это же песчинка! Я могу двигать глыбы, а то и горы, но... я только выгляжу молодым атлетом, на самом деле я старый, мудрый и настолько много повидавший, что уже вообще готов опустить руки, как тот бывалый полицейский, и ждать, когда оно само собой рассосется.

Франсуа де Ларошфуко сказал в свое время, что никакие войны не длились бы так долго и с таким ожесточением, если бы была права только одна сторона. В молодости я всегда был только «за наших», в старости начал считать нашими все человечество, а не нашими тех, кто мешает карабкаться по крутой лестнице к светлому будущему.

Но к своему ужасу понял, что наших в таком случае на планете наберется от силы полпроцента, а то и сотая часть, а остальное человечество живет сегодняшним днем и готово удавить тебя, если попробуешь урвать хоть копейку на более быстрое построение счастья для всех.

Духовный мир культивировался в человеке в Средние века, тогда в моде были великие аскеты, но пришла эпоха Просвещения с ее культом поесть и посрать, бестселлером стал срамной роман «Гаргантюа и Пантагрюэль», где с упоением втапывалось в грязь все великое и одухотворенное, а о том, как Гаргантюа срал и как подтирал жопу, сразу три большие главы во всех подробностях.

Народ принял с ликованием такую эпоху Просвещения, духовные запросы – тяжело и непонятно, а вот пить, жрать, срать – наше все!

Аристократия держалась дольше, но под напором демократии размыло и ее, как волны океана разрушают гранитный утес. После родовой аристократии некоторое время держались «аристократы духа» из разночинцев и среднего класса, их сумели опустить до уровня простого и очень простого

народа, что с уровнем развития демократии ухитряется становиться все проще и проще.

Конечно, церковь и наиболее просвещенные сопротивлялись отчаянно, иногда переходили в контратаку, в церкви это приняло форму протестантства. В светской жизни «о кухне не говорят», но животная натура человека, которого освободили от соблюдения заповедей, постепенно брала свое.

Последней попыткой поставить духовное над скотским было построение коммунизма в России. Тогда еще не знали, что любой человек может быть хорошим и правильным, если недолго, однако низменное обязательно возьмет свое, строители коммунизма еще не слыхали о Фрейде и Юнге.

Сдались даже умеренные сторонники сухого закона. Даже такое пустяковое ограничение не прошло ни в России, где его пытались принять несколько раз, ни в Штатах. Правители повздыхали и мудро решили позволить и разрешить всё-всё, умные все равно выживут и будут тянуть мир к счастью, а народ... что народ? Да и хрен с ним, он же сам не понимает, что делает, когда живет как животное, что научилось смотреть телевизор.

Потому сейчас разрешено и строго запрещенное в заповедях прелюбодеяние, и почти все, кроме простого убийства ближнего, а вот дальнего уже можно...

Саруман и Фальстаф привычно всажены в кресла за сдвинутыми столами, мы так жили и работали последние трид-

цать лет.

У нас работа важная часть жизни, как у большинства отдох и сладкое безделье, чуточку режет глаз пустое место там, где находилось мое кресло. Молодец Фальстаф, убрал, чтоб не мозолило глаза, и хотя они с Саруманом знали, что мои дни тают, как снежок в апреле, но давно примирились, все в конце концов помрут, даже императоры вон умерли.

Но теперь оба знают, что я или то, что от меня осталось, существует, даже без микробиоты как-то перебиваюсь, а это и для них неожиданная и приятная надежда.

Под началом Сарумана двадцать четыре человека, почти все на удаленке, хотя половина из Москвы, трое вообще на двух соседних улицах, но и они были здесь только во время собеседования и найма, семеро вообще за кордоном, так что костяк нашей команды всегда только мы трое.

– Привет с Олимпа, – сказал я громко.

Оба вздрогнули, вскинули головы. Я улыбнулся, аватарка на экране повторила в точности, растянув губы и показав кончики рекламно-белых и ровных зубов.

Саруман кивнул молча, Фальстаф спросил очень живо:

– Ты как? Не рассыпаешься?

– Приспосабливаюсь, – сообщил я. – Мозг, хоть и цифровой, взял все под контроль круче, чем в реале, когда мешались всякие там кони-люди.

– Здорово, – сказал Фальстаф с энтузиазмом. – Завтра твои похороны, пойдешь?

Я поморщился.

– Я здесь, не заметил? А похоронят не меня, а ту оболочку, в которую я был насильно и без моего согласия всажен. Так что хрен с нею. Думаю, и вы на ее захоронение не пойдете. Это все равно что положить в гроб и зачем-то засыпать в глубокой яме мой старый, изношенный до предела костюм.

Саруман покачал головой, в голосе прозвучало некоторое неодобрение:

– Как-то некошерно... Если по уму, то ты прав, но живем в мире ритуалов. Придуманы не зря, не зря. Это якоря или, как ныне говорят, чекпоинты.

Фальстаф сказал бодро:

– А я точно не пойду! Берлог прав, а мое непойдение в нашем здоровом коллективе забудется сразу. Хотя многие скажут, свинья, прикидывался другом, а бросить горсть земли на гроб поленился. Но теперь никто ничего долго не помнит.

Я напомнил:

– Так что насчет стартапа?

Фальстаф вздохнул, а потом приподнял плечи, вид такой, что бросается в прорубь.

– Я, – сказал он все еще с некоторой нерешительностью, – все обдумал и перепроверил. Пора и нам из зоны комфорта, пока не вытащили за шиворот и не проводили пинком под мягкое место, что уже совсем... не мягкое, а уже весьма мо-золистое. Если у Берлога получится насчет финансовой кормушки, а это главное...

– Счет? – потребовал я.

Фальстаф оглянулся на Сарумана, тот чуть повернулся в кресле, тяжеловесный, как авианосец, вперил в меня полный подозрения взгляд.

– Что-то, – проговорил он весомо, словно оживший айсберг, – ты совсем цифровик. Прешь, никаких в тебе сомнений... Счет сегодня же открою. Я во главе, если вы оба не против, Фальстаф официальный соучредитель, Берлог негласный...

Он сделал вполне понятную паузу, я сказал поспешно:

– Прекрасно! Я счастлив уже тем, что жив, это ваша заслуга. Потому хоть дворником, все равно здорово, я счастлив выше крыши.

Саруман благосклонно наклонил голову, для него важно, чтобы ничего не менялось в нашей иерархии, он возглавляет отдел уже тридцать лет, пусть все останется таким же и на новом месте.

Фальстаф торопливо подключил соседний дисплей, повернул, чтобы и я видел, отыскал сайты банков и «Госуслуги». Любые бумаги, что сейчас уже не на бумаге, хоть и «бумаги», можно собирать вот так, а потом в два клика в нужное место.

– Шеф?

Саруман, к которому впервые обратились вот так, довольно заулыбался и с неспешностью повернулся вместе с креслом к экрану Фальстафа.

Я терпеливо наблюдал процесс начала оформления стар-тапа. Сам бы сделал все в миллионную долю секунды, но Саруман должен чувствовать свою роль шефа, пусть, он же и был им в нашей группе, но там над ним целая пирамида, а теперь будет на вершине пусть и мелкого, но самостоятельного предприятия.

Фальстаф едва не повизгивает от радостного возбуждения. При таком раскладе и жалованье можно повыше нам троим, пусть даже двоим, и деньгу на кусок земельки под дачу...

Молодцы, подумал я. Не сразу, но поняли, что если я выжил, то в цифровом мире в самом деле могу перебрасывать деньги, что уже только цифры, со счета на счет, а следы в состоянии затереть так, что любой суперпрограммист только руками разведет и хлебалом щелкнет.

И оба будут спешить, неизвестно сколько продержусь в разъедающем меня, как горячая вода кусок сахара, цифровом мире.

Я сказал с рассчитанной нерешительностью:

– Вообще-то я бы предложил к проблеме вечной жизни, которую штурмуем вот уже тридцать лет, зайти с другого боку...

Саруман смолчал, шеф должен откликаться только на важное, Фальстаф спросил живо:

– Ты о чем?

– О цифровизации, – пояснил я, – простой народ ее не

примет и в цифру перейти не захочет. Уже по себе зрю. Там почти все растворятся, это как два пальца... Но каждый хотел бы жить вечно или бесконечно долго вот так, как живут сейчас. Это им понятно и наглядно. Все то же самое, но вечно.

Саруман нахмурился, но снова смолчал, Фальстаф высоко вскинул брови, ну вылитый Брежнев, только толстый и авто водить не умеет.

– Что значит, – уточнил он, – как есть? Мы не медики!

– Медицина, – пояснил я, – сейчас сплошное Бородино и Аустерлицы. Я же не предлагаю разрабатывать новые лекарства, биология не наша отрасль. Мы физматики, вполне можем посоревноваться в разработке наноботов, что будут плавать в крови и обеспечивать круглосуточный надзор за здоровьем.

Саруман наконец-то услышав суть, заметил ровным голосом:

– Многие рванулись по этой дорожке. Думаешь, сможем тягаться с гигантами вроде «Гугла» или «Майкрософта»?

– Дорожка не одна, – напомнил я. – Их тысячи, и никто не знает, какая успешнее. Вспомните ликование, когда создали первый квантовый комп!.. Но до сих пор не выбрали даже тип, который стоит развивать и совершенствовать. От фотонных, ионных, кварковых, бозонных и прочих рябит в глазах, один другого лучше, но пока даже платформу не определили! Все новые и новые появляются одна другой sensi-

тивнее.

Фальстаф сказал живо:

– Да, там интересная ситуация. Много дорог и все не ту-пиковые. Но по всем идти не хватит силенок, да и ученого народа маловато. Сейчас все в инфлюенсеры прут... Берлог, ты считаешь...

– ...Что стоит рискнуть, – закончил я. – У нас хорошие шансы. Саруман, что скажешь?

Саруман посмотрел на меня очень внимательно.

– Не ожидал, что вдруг озаботаешься о простом народе. Что случилось? Последствия переноса?

Я сдвинул плечами.

– Возможно. Но зато мой мозг... ладно-ладно, разум ясен, как никогда. Простой народ пока что нужен. Дать ему здоровье и хорошую работоспособность в наших интересах. Чтоб не болели, а работали.

Фальстаф, которого от длинных объяснений в сон клонит, сказал бодро:

– Я за, но прерывать работы с оцифровкой нельзя, мы же продвинулись так далеко!

– Далеко, – согласился я. – Но даже когда отработаем всё-всё, кто пойдет по этой дороге? Вы двое, еще сотня научных работников, ну пусть даже тысяча!.. Остальные предпочтут умереть, но не стать цифровыми игрушками в чьих-то руках, как уже запугали алармисты. Так вот, их жизни сейчас в наших руках!

Саруман промолчал, так выглядит мудрее и загадочнее, Фальстаф со вздохом развел толстыми дланями, где ладони как лопаты, а пальцы толще сарделек.

– Конечно, – прорычал он, – каждый предпочтет стать красивым и здоровым в этой жизни. Чтоб жрать все и пить все, не хватаясь за печень. Но это медленный путь.

– Если вовлечь все восемь миллиардов населения, – возразил я, – или хотя бы миллиард, то совсем не медленный! Шеф, что скажешь?

Саруман нехотя пошевелился, мы с Фальстафом смотрим в нетерпении, без него ничего решать нельзя, он наконец проговорил:

– Не люблю принимать какие-то решения вот так с ходу.

– Время такое, – обронил я с сочувствием. – Не мы, так нас. Не тем концом и не в то место. Все спешат, на приличия уже не смотрят.

Саруман сказал все еще с сомнением:

– Я вообще-то и с оговорками за, хотя ты, Берлог, вообще спешишь как-то по-сумасшедшему. Подметки на ходу рвать уже умеешь?

Глава 8

Целью стартапа объявили разработку наноботов для использования в медицине. Дескать, создаем программу для ремонта человека неинвазивными способами. Сперва создадим цифровую копию, чтобы не только общаться с ней, но и пробовать лекарства и улучшающие жизнь и здоровье способы, предлагаемые наукой в некоторой спешке.

А затем научим наноботов ремонтировать реальное тело, как чиним автомобиль или велосипед, а взамен совсем уж изношенных деталей сможем выращивать новенькие прямо в организме.

Цифровая же копия останется «в компьютере», можно постоянно передавать ей знания и впечатления, пользоваться ее помощью.

Объяснение звучит стандартно, уже с десятков НИИ работают над созданием наноботов, хотя речь все еще о выборе платформы. Одни начали с «железок», другие стараются построить первый нанобот из нитей ДНК, третьи создают новые соединения, способные хранить информацию и передвигаться против кровяного потока.

Саруман отвечал на вялые расспросы двух-трех заинтересовавшихся журналистов, как и с чего начнем, как скоро получится, а я отщипывал по одному, по два миллиона долларов у наиболее крупных наркокартелей и казино. На их сче-

тах остаются сотни миллиардов, потерянные крохи для них ничто, но все равно перемещаю через сотню банков и тут же стираю следы, так что любое расследование заглохнет на первом же шаге.

Интерес журналистов быстро иссяк, от нас никаких сенсационных обещаний, а стартапов только в стране десятки тысяч, и у всех хвастливые заявления одно другого круче.

Хорошо что внимание затихло, счет быстро пополняется, Фальстаф в восторге, но Саруман встревожился и попросил пока прекратить, а то вдруг проявит бдительность банк, за ними сейчас растет контроль, следственные органы могут инициировать проверку.

На окраине города уже за МКАДом купили пару гектаров земли, место не очень, но нам не сады Семирамиды выращивать. Саруман самолично составил план и смету, быстро начали стройку, начиная с подвала в два этажа, где разместим квантовый комп и зал с аккумуляторами, а сам домик послужит просторным офисом.

А на время, пока идет стройка, арендовали помещение в большом многоквартирном доме в районе Большого кольца, в здании уже с полсотни офисов, контор, производственных предприятий, начиная от мойки авто до их ремонта.

Я по-прежнему общаюсь с помощью аватарки на экране, что всякий раз застывает, как только в кабинете Сарумана или Фальстафа появляется кто-то посторонний, у Фальстафа теперь есть и свой кабинет, хотя по старой привычке обычно

сидят за большим столом у Сарумана, где Фальстаф отвоевал место и для коробки с пищей.

Сегодня Фальстаф вдруг сказал живо:

– Берлог, у тебя крутая аватарка. Но что, если ее оголографить?.. Мощности большого компа позволяют.

Саруман скептически хмыкнул, я на экране пожал плечами.

– А на фига?..

– Не знаю, – ответил он. – Показалось, так будет круче. А вот если еще и поверхностное натяжение как-то суметь...

Голос его прозвучал мечтательно, Саруман бросил на него предостерегающий взгляд.

Я пробормотал:

– Было бы круто. Но такое даже технически неподъемно. Год рассчитывать, сожрет уйму энергии, а у нас другие насущные задачи.

Фальстаф вздохнул.

– А жаль. Так бы мог сидеть вот тут рядом и смотреть, как я лопаю свежую пиццу, такую ароматную и калорийную... А я бы балдел от твоей зависти, смотришь, а не можешь...

– Я и отсюда вижу, – сказал я. – Ты давай следи за поставками оборудования. Точно начнут затягивать, а то и надуют.

Саруман то и дело поглядывает с подозрением, что и понятно, я слишком быстро собрался, сориентировался там в непонятном цифровом мире, что-то во мне растерянности и паники не видно, а должна быть...

И не просто выжил, это ж я настоял на стартапе здесь в реале, а такая активность для прошлого Берлога ну никак ни в дугу, ни в Красную Армию.

Но не рассказывать же, что я промучился в одиночестве месяцы, если не годы, потому такой шустрый? Пока не стоит, слишком много поставлено на карту. Даже больше, чем я сейчас чувствую. За этим переносом ощущаю что-то очень огромное и опасное, что грозит всем-всем, а не только мне или нам троим.

Возможно, я растворился бы как личность в цифровом мире, если бы не это обилие возможностей, когда едва удерживаюсь от жажды прервать разговор с эти двуногими и вернуться в мир сверхскоростей, где у меня доступ в любую точку мира, лишь бы туда дотягивались провода.

А как животные могут уцелеть в цифровом мире? Нет, цифровизация – тупиковый путь для человечества, для них возможна только виртуализация отсюда, побегал с автоматом по армагеддонам и вышел, радуясь, что бегал по лаве и не обжегся.

– Пойду, – пообещал я, – посмотрю на банковские счета нехорошего мира. Кто бы мог подумать, что отнять и поделить – еще как понравится?

Фальстаф зябко передернул плечами.

– Боюсь и представить, по какому минному полю бродишь!

– А куда деться? – ответил я. – Главное, не рассыпаться.

Здесь даже межатомные связи не такие прочные, как казалось в детстве.

Он вздохнул, в этом детстве он и сейчас пока что, фундаментальные знания нерушимы до тех пор, пока их не начинаем рушить чем-то более мощным, доказуемым и проверяемым.

Я окинул взглядом кабинет, точно такой долгие тридцать лет был нашим вторым домом: на стенах шесть дисплеев и два на столах перед Саруманом и Фальстафом, рай для ай-тишника, да еще скорость шесть-джи, сейчас Фальстаф в нетерпении и на этот экран с моей аватаркой вывел поверх нее график расчета материалов, сделав ее полупрозрачной.

– Vale, – сказал я бодро, – увидимся в светлом будущем!

Моя аватарка исчезла, это значит, что отключился, хотя на самом деле ничего подобного, просто сосредоточился на переходе в теперь родной мне квантовый мир с его красотами и, главное, скоростями.

Человек, лишившийся ног, долго и мучительно привыкает к бионическим протезам, я даже с имплантированными зубами свыкался две недели, потом перестаешь замечать, все входит в норму.

Переход от скоростей квантового мира к скоростям химических реакций в первые попытки давался с огромными трудностями и величайшей концентрацией сознания и воли, то и дело срывалось, начинал сначала и сначала, но потом навык закрепился, я сам его закрепил, теперь стоит лишь вос-

хотеть, как могу прыгать туда и обратно с достаточной легкостью.

И, конечно, сейчас прыгнул, то есть легко и быстро перетек в квантовый мир, где секунда длится годы, а окружающее дивно и прекрасно, пусть и не блещет разнообразием биологии.

Снова погрузился в самое легкое занятие: просмотрел счета в банках, что ведут к наркокартелям. Обороты чудовищные, у Нидерландов годовой бюджет меньше, чем зарабатывают картели одной только Колумбии, а сколько таких еще в Чили, Аргентине, Бразилии?

Я бы пару сот миллиардов Маску подкинул, он им тоже нашел бы применение получше, чем покупать дорогие яхты и дворцы, но ему нельзя перечислить и доллара, за ним следят ревниво все на свете, начиная от налоговиков и заканчивая репортерами, так что останусь пока что его болельщиком.

А вот Обри де Грею, Фединцеву и нашим трансгуманистам-энтузиастам деньги не помешают, буду подбрасывать мелкими траншами от анонимных спонсоров.

Перекинул несколько сот миллионов долларов на поддержку хосписов. Старикам у нас почет и хороший уход. Хотя бы за то, что нас породили. Пусть остальные видят и ведут себя правильно.

Человек стал человеком, когда начал дополнять себя вещами, которые природа в него почему-то не встроила. Спер-

ва это были камни и дубины, потом лук, меч, затем очки, зубные пломбы, протезы, мобильники, хранилища в облаке...

Теперь я, получив возможность видеть все в инете, возликовал... но в минуты слабости кажется, что лучше бы так глубоко не влезал. Но нет же, человека больше всего влечет к запретному, это инстинкт, он вывел кистеперую рыбину на сушу и велел захватить этот новый мир, заставил строить станции на Луне и Марсе, велит вкладывать огромные деньги и усилия в разработку космических аппаратов, что отправятся в дальний космос и там сгорят, но расширят наши знания о том, что можно будет захватить и освоить попозже.

А сейчас инстинкт заставил сунуться во все засекреченные переписки правительств и органов разведки, вытащить самые тщательно скрываемые тайны президентов и органов власти.

Я далеко не идеалист и давно уже не мальчик, что верит в чистоту и благородство взрослых, но почему-то считал, что высшей властью рулит некий идеализм. Ну, там жажда построить коммунизм – мечта всего прогрессивного человечества со времен Томаса Мора и Кампанеллы, желание исполнить Великую Американскую Мечту, что даст всему миру жить счастливо и без войн, или мечта о Великом Израиле на всей планете, когда мудрость и справедливость будут править всеми народами.

Конечно, понимаю, великая цель оправдывает средства, в ее имя можно и придушить кого-то, будь это человек или ре-

жим мелкого государства, но нельзя же начинать кровопролитные войны во имя победы в межпартийных склоках!

Или вообще для того, чтобы отвлечь внимание от зарождающегося скандала в верхах о крупномасштабном воровстве и казнокрадстве!

Мысль без всякого перехода, как обычно при химических процессах в мозгу, скакнула к тому, что сейчас имеем. Саруман и Фальстаф оформляют выход на пенсию, начнут передачу рабочих мест, еще не начали трястись, что я занял весь объем нашего дата-центра, но обязательно начнут.

Скажу, что замаскирую, хотя на самом деле меры уже принял. Люди, медленно и с трудом думающие люди! В нас эволюцией прописано, что всякое создание от амебы до человека в первую очередь заботится о своей безопасности, а уже потом о всем прочем. Потому я в первый же день проверил все суперкомпьютеры Москвы, выявил незаполненные емкости, распределил себя, кое-что продублировал, так что при любом отключении где-то да останусь. Покажется, что места мало или под угрозой, размещу части себя в суперкомпьютерах Массачусетского универа и Калифорнийского, там их постоянно расширяют с прицелом на будущее.

Пару суток в цифровом мире размышлял все о том же, что заложено в нас эволюцией. Квантовый мир – фундамент вселенной, но ее главное достижение – создание на таком фундаменте биологической жизни с человеком на самой вершине.

И потому все важное творится там... а я всего лишь здесь, вне биологии.

Так что там Фальстаф говорил насчет тактильности, натянутой на голографию?

Саруман и Фальстаф уверены, что когда я отключаюсь от связи с ними, то ничего в их кабинете не вижу и не слышу, наивные. Если человек может заниматься сразу двумя-тремя делами, как Юлий Цезарь, он будет пользоваться своими возможностями. Я могу вникать сразу в сотню дел, потому от видеонаблюдения своих друзей и коллег никогда не отключаюсь на самом деле, даже если им так говорю.

Теперь это я им помогаю и опекаю, о чем еще не догадываются, продолжая меня жалеть и беспокоиться обо мне.

Сейчас я все еще с некоторым усилием, преодолевая головокружение и тошноту, перешел в дико замедленное состояние, чтобы соответствовать биологической форме жизни, увидел уютный кабинет, Сарумана и Фальстафа в продавленных креслах старых конструкций, в таких еще Ленин принимал ходяков, Фальстаф указывает взглядом на темный экран, с которого я исчез по темпу их времени секунду назад, в голосе звучит неприкрытая тревога:

– Как он там?.. Все время боюсь, что не выдержит того ужаса, распадется.

– Пока держится, – ответил Саруман тоже сочувствующе, – но что делать, здесь уже точно был бы мертв.

– А сколько протянет там?

Саруман нахмурился, в голосе появилась совсем другая нотка:

– Он вступил в *terra incognita*. Сочувствуем, но, кто знает, вдруг пора начинать завидовать?.. В любую минуту может погаснуть, рассыпаться, исчезнуть, но есть шанс, что может жить бесконечно долго.

– Я ему уже говорил! – сказал Фальстаф живо.

– Ты сказал, чтобы подбодрить, – напомнил Саруман, – но такой шанс в самом деле есть. То ли он оказался собраннее, как мы и надеялись, хотя мало в это верили, то ли окружение не так уж шарахнуло по его несуществующей голове. И потому...

Он оборвал себя, задумался и молчал так долго, что не только я уже начал вскипать, но и Фальстаф не выдержал:

– Что? Что потому?

Саруман проговорил медленно:

– Главное для нас было оцифровать мозг и перенести сознание в компьютер!.. Только об этом и думали. Задача грандиозная, но мы решили! И не похвастаешься. Вот китайского генетика посадили за незаконную операцию на генах, хотя спас двух детей, а нас так и вообще... Скажут, что создали угрозу обществу!

Фальстаф сказал с кривой усмешкой:

– Они правы.

– Китайцы?

– Правоохранители, – уточнил Фальстаф. – Мы в самом деле не продумали, что потом.

– Вот-вот, – сказал Саруман веско, – Берлог наш друг, но, если честно, сейчас он уже не прежний Берлог. В его ныне мертвом теле мы оставили не только микрофлору кишечника и вообще все микроорганизмы, без которых нам не жить, но и часть самых древних инстинктов, доставшихся чуть ли не от амёб.

Фальстаф воззрился на него с веселым удивлением:

– Так это же хорошо!.. Или плохо?

Саруман сказал сердито:

– Не ерничай, сам знаешь. Это как бы хорошо, но все остальное человечество, и мы с тобой тоже, еще животные, наделенные разумом!.. И да, разум слуга, а не хозяин в наших телах.

– Берлог, – проговорил Фальстаф раздумчиво, – сейчас ближе к настоящему человеку, чем все мы? Да, тогда опасен. Я со своей пиццей перед ним Лукулл, Бальтасар, которым уготована геенна. Однако, Саруман, ты нагнетаешь!.. Все в наших руках. Допустим, Берлог стал совсем неадекватен и чем-то грозит обществу!.. Можем стереть его личность одним нажатием клавиши с надписью Delete. Но у Берлога всегда был моральный стержень. Правда, гомосеков не признавал, но лесбиянкам симпатствовал...

Саруман покряхтел, сказал сурово:

– Разработку тактильного натяжения даже не начинай. И

не потому, что пока невыполнимо из-за скудости ресурсов, но и... нынешнего Берлога еще не знаем. Понаблюдаем, пообщаемся, выясним, что потерял, что приобрел...

Опоздали, подумал я с сочувствием. Вы хорошие друганы и хорошие люди, но я, как всякое живое существо, постарался себя обезопасить как можно раньше. Выключить меня не получится, я уже давным-давно не в блоках «Алкомы».

Там пробыл где-то с полсекунды, это много, а сейчас я уже везде по миру, где суперкомпьютеры, аккумуляторы и мощные источники хранения.

Глава 9

Кто это сказал еще в прошлом веке, что «...дурак стал нормой, еще немного – и дурак станет идеалом»?

Вот уже стал. Это называется демократией на марше, все выше и выше, свободнее и свободнее, счастье без границ, уже не знают, какой еще принять закон, чтобы полнее высвободить скота в человеке.

Дурака уже не называют дураком, не толерантно, дурак теперь основа современного общества, его краеугольный камень, его воспевают как наиболее свободную личность, сбросившую оковы нравственности, религии и прочих старых предрассудков.

Отмахнувшись от новостей, что любого разумного человека вгонят в депрессию, но, к счастью для общества, разумных становится все меньше, я с головой погрузился в поиск путей создания своей голографии, которую можно бы выпустить в реальный биологический мир. Плюс разработки для поверхностного натяжения, без него полноценный аватары не получится.

Беда в том, что разработок в этой области почти нет, хотя по самой голографии их тысячи, но все эти титанические труды рассчитаны на разработку виртуальных миров, которые в свою очередь должны привлечь толпы простого народа для развлечений, где можно устраивать почти неотличимые

от реальности кровавые бои гладиаторов, окружать себя гаремами и устраивать такие пиры, которым позавидовали бы Бальтасар и Лукулл.

Правда, у меня вычислительная мощь не только нашей «Алкомы», но и всего мира, стоит только протянуть незримую руку, а протянуть могу со скоростью почти триста миллионов кэмэ в секунду, нужно только подключить специализированные ИИ и поработать плотно самому.

Как войти в голографию, а потом еще и облачиться в поверхностное натяжение, не однажды дискутировали в научном сообществе. Правда, для другой цели, но человек такой зверь, все умеет приспособить и для себя мохнатого, я уже рассчитал, как это не только осуществить, но и чтоб держалось на мне, подчиняясь мысленным командам.

Тактильную оболочку своей голограмме сделал, гораздо труднее оказалось создать не просто прочной, а устойчивой. При каждом движении либо перекашивалась, либо сползала. Получались две: одна полупрозрачная, такими изображают души недавно умерших, вторая плотная, но гротескно скрученная или растянутая.

Над фокусировкой и сцеплением частей, это чтоб голова не отрывалась при ходьбе и вообще резких движениях, поработал где-то месяцев шесть.

Еще с месяц тестировал, а на завтра запланировал наконец-то выход из уже родного и привычного квантового мира в жутко замедленный и почти замороженный, где обитал

совсем недавно.

Правда, с цифровой одеждой оказалось траблов больше, чем с телом. Обычную одежду тоже не купить уже потому, что явиться за покупками голым тоже не совсем, даже в наше время демократии и свободы.

А мне нужно иметь несколько комплектов рубашек, джинсов, кроссовок... Ведь придется терять по комплекту одежды при каждом переходе в цифровой мир. Но это куда дешевле и, главное, – быстрее, чем попытаться создать виртуальный аналог со всеми тактильно-поверхностными характеристиками.

С другой стороны, будут постоянно находить сброшенную одежду, начнут ломать головы, во что же переоделся, неужели принес с собой сумку с брюками, рубашкой и обувью?

Нет, то было временное решение, нужно все-таки отладить и вопрос с виртуальной одеждой, рассчитать, как будет развеваться при ветре, промокать в дождь, сминаться, когда сяду или встану.

Словом, программу писал несколько недель, находясь в своем квантовом, потом неделю тестировал, отлаживал и убирал баги, вдруг нахлынуло такое нетерпение, что вот если прямо шас не выйду в реальный мир, либо все на свете рухнет, либо рухнусь я, что вообще-то одно и то же.

– Алло, – сказал я, – магазин готовой одежды?

Мягкий женский голос робота сказал приветливо:

– К вашим услугам!

– Вот мои размеры, – сказал я и щелкнул по отправке файла. – Пришлите дюжину рубашек, приличные джинсы и полдюжины пар кроссовок... Нет, завтра не подойдет, мне нужно сейчас!

– За срочность наценка, – предупредил голос.

– Переживу, – ответил я.

Отключился, подумал с тревогой, что это же просто купить с доставкой, какого же хрена воровал? Это значит, что и в цифре можно допускать промахи, если все не обдумать заранее, а действовать спонтанно.

Или такие глупости доказывают, что я все-таки человек?

Дождь перешел в ливень, вода бурным потоком мчится по тротуару, захлестывает по щиколотку, наверняка холодная, жаль пока не чувствую этой прелести...

Дважды мощно блеснула молния, тут же грянул гром, совсем близко, блеск молнии человек видит почти мгновенно, а звук идет со скоростью триста сорок три метра в секунду, так легко определить, насколько близко гроза.

Я мысленно отмахнулся, во мне слишком силен профессор, сейчас же просто наслаждаюсь возможностью вот так идти по городу в прочной оболочке тела, видеть в привычном человеку спектре, плюс инфракрасном и ультрафиолетовом диапазоне.

На моей стороне улицы в конце квартала расцветенная мелкими лампочками вывеска кафе, под широким навесом

у входа согнулись трое, супружеская пара, видно издали, после долгих лет соживания люди становятся похожими, и молодая женщина, все трое явно не решаются выбежать под дождь, что уже не дождь, а ливень.

Я так и не стер с лица дурацкую улыбку, шел, шлепая по воде, все трое уставились на меня с великим подозрением, будто вот сейчас наброшусь и покусая.

Я сказал дружелюбно:

– Привет! Хорошая погода, правда?

Супруги промолчали, продолжая рассматривать меня с прежней настороженностью, а молодая женщина спросила ядовито:

– Вы Гомес или дядя Фестер?

– Это кто? – спросил я.

– Из семейки Аддамс, – ответила она зло. – Или тот... дворецкий? По росту да, похож.

– А-а, – сказал я дружелюбно. – Вроде бы нет, хотя кто знает, теперь свобода нравов и гендерной пластичности.

– Не меньше трех стаканов водки, – заявила она, – если не замечаете, что начерпали воды по ведру на каждый кроссовок. Одежда так и вовсе как мокрая половая тряпка...

Я посмотрел на брюки и рубашку, да, конечно, виртуальную доводить до ума еще долго, пока похожу в обычной, очень уж невтерпеж попробовать новые возможности.

Чтобы отвлечь внимание, кивнул в сторону открытой двери кафе.

– Дождь еще льет... По чашке горячего кофе?..

Она буркнула:

– Кошелек в машине.

– Угощаю, – ответил я лихо. – *Omnia mea mecum porto.*

Она посмотрела с привычным женским подозрением, но и некой затаенной надеждой.

– А не кусаетесь? А то блаженненькие бывают опасными.

– Весь мир опасен, – изрек я возрастную мудрость, которую еще не знают тридцатилетние оптимисты. – Но жить, как говорит Господь, мы обязаны, ибо на то Его воля!

Она впервые усмехнулась, пусть и предельно сдержанно.

– Хорошо, – ответила она милостиво, – здесь в самом деле холодно.

Я распахнул перед нею дверь, придержал, а когда она перешагнула порог, вошел следом. Кафе крохотное, всего четыре столика, три пустые, за одним пара девиц, зато у барной стойки все пять высоких стульчиков заняты молодыми женщинами, пьют, громко разговаривают, хохочут, в нашу сторону оглянулись, на лицах троих отразился интерес, но посмотрели на мою спутницу оценивающе и отвернулись с разочарованным видом.

Стул я отодвинул и ожидающе взглянул на спутницу. Она удивленно вскинула брови, но подошла, я так же молча придвинул стул, а когда она грациозно опустилась на сиденье, перешел на ту сторону стола и сел сам.

– Берлог, – представился я, когда она взглянула с преж-

ним вопросом во взгляде. – Под этим ником знают на семи форумах, а также в баймах.

Она чуть замедлилась, но ответила тем же тоном:

– Маргарита. Вы не смотрите таким уж пьяным. Травка или грибы?

Я покачал головой.

– Просто закончил трудную и тяжелую работу, два месяца не разгибал спину и не вставал из-за стола. Борода как у деда Мороза отросла!.. Бритва не брала, пришлось сперва состричь овечьими ножницами.

Ее взгляд чуть потеплел, даже голос стал мягче:

– А-а-а-а... Думала, таких сумасшедших уже не осталось.

Кстати, под вами уже натекло. Не беспокоит?

– Перенесу, – ответил я скромно.

– Вы шли через самый ливень, – возразила она. – И по лужам!

– В следующий раз будет все другое, – сообщил я неуклюже. – Непромокаемое и водоотталкивающее. Разрабатываем в институте, скоро начнем испытание.

Она покачала головой.

– Здорово. Скоро в продаже?

Я пробормотал:

– Мы разработчики, а дальше дело торговцев. Экспериментальные образцы протестируем на сотрудниках, а если все пойдет хорошо, будем искать производство. Если, конечно, окажется рентабельным и по цене.

Ее губы чуть дрогнули в улыбке.

– Заняты в научной сфере?... Как здорово увидеть человека, который не коуч, не менеджер, не шоураннер и не стремится в ситкомы!

Странно, мелькнула мысль, вот смотрю на ее четко очерченную грудь, а в сознании всплывает вопрос, а могу ли вдуть ей, когда я вот в таком странном облике. Мы оцифровывали только мозг, но и эти хтонные страсти как-то сохранились где-то на краю гипоталамуса. Или в той части, что оцифровалась, а в теле только управляемые ими органы.

Стройная, красивая, с крупными серыми глазами, внимательный и оценивающий взгляд, глаза с подводкой, макияж почти не заметен, фигура отточена фитнесом и силовыми упражнениями. Красивая женщина, только в лице едва заметная грусть, которую прячет, но я старый жук, замечаю то, что в молодости не замечал.

Со стороны кухни появилась официантка, высокая и длинноногая, как они делают эту длинноноготь, совсем не осталось коротконожек, ноги брекетами не поправить, красиво и грациозно приблизилась. Кофточка расстегнута, чтоб посетители могли оценить эти вздутые холмики нежной плоти с чуточку выглядывающими краями розовых альвеол, чем заметнее сиськи, тем выше чаевые, профессионально приветливо улыбнулась и произнесла доверительным ГОЛОСОМ:

– Что изволите?

Маргарита лишь повела на нее глазом, официантка не может быть соперницей, в современном мире классовые различия становятся все заметнее.

– Мне кофе, – сказал я. – Крепкого и горячего, а моей спутнице все, что возжелает!

Маргарита ответила хмуро:

– Тоже кофе. Можно пару сахарного печенья.

Девушка улыбнулась, если мужик сам приоткрывает щель в своей броне, чтобы его раскрутили, надо пользоваться, зачем ограничивать себя чашкой кофе, но молча кивнула и записала в крохотный блокнотик настоящим карандашом.

– Погода взбесилась, – сказал я светски, о погоде всегда можно говорить и со всеми, – то ли Арктика вот-вот растает, то ли снова ледниковый период.

Она ответила с холодноватым презрением:

– Мы не доживем, а у потомков будет больше возможностей, чем у нас.

Я доживу, мелькнула мысль, Солнце погаснет, а я буду жить. Где-то и в каком-то виде зависну в холодном и пустом космосе. И буду создавать свой собственный мир, собственную вселенную, и стану в нем Богом. За семь дней вряд ли успею, но кто сказал, что сутки должны быть земными, если и Земли еще не будет, а не галактическими?

– Это верно, – ответил я миролюбиво.

Официантка вернулась с двумя чашками на подносе и блюдцем с горкой сахарного печенья. Не парочка штук, по-

больше, зато мелкие и такие хрупкие даже с виду, что уже чувствую, как тают во рту.

— Прекрасно, — сказал я с энтузиазмом. — При такой погоде горячий кофе самое то!

Она взяла чашку и задержала ее в обеих ладонях, согревая руки, а когда наконец поднесла ко рту, взглянула над фарфоровым краем пытливо и с некоторой настороженностью.

— Я вас точно не разорю?

Я заулыбался во весь рот.

— Заказывайте что угодно. Хоть все, что у них есть!.. Правда-правда, я закончил важную работу и получил с нее больше, чем ожидал. Впереди горы работы, но эта закончена, ура!.. Имею право вот так выйти на улицу, как это здорово, оказывается!.. Как не ценил раньше?

Выражение ее лица несколько смягчилось, спросила уже нейтральным тоном:

— И долго корпели?

— Долго, — ответил я. — Последние два месяца вообще не выходил из-за стола. Даже спать было некогда, засыпал прямо в кресле. Зато наконец-то задачу решил, добился!

— Поздравляю, — произнесла она уже почти теплым голосом. — Да, два месяца не выходить на улицу. Был у меня друг, даже еду заказывал с доставкой прямо к рабочему месту. Значит, празднуете... и без водки? Точнее, без коньяка, вы же научный работник?

Я подумал, сдвинул плечами.

– Да как-то не хочется. Но могу заказать вам. Не стесняйтесь, мне заплатили очень даже щедро.

Она посмотрела на меня внимательно.

– Станный вы человек. Обычно достижения отмечают коньячком. Да и меня бы старались подпоить, пьяной легче вдуть.

Я с неловкостью улыбнулся.

– Ах да, простите, как-то забыл про такой ритуал.

Она не сводила с меня пристального взгляда.

– То ли вы не из таких... то ли очень хорошо маскируетесь.

Я проговорил в размышлении вечно сомневающегося интеллигента:

– Лучше будет, если маскируюсь. А то «не из таких» звучит как-то обидно.

– А как удобнее вам?

Я помолчал, так выглядим умнее и возвышеннее, проговорил после паузы:

– Лучше, если маскируюсь, Маргарита.

Она взглянула с интересом.

– Как-то странно произносите мое имя.

– Маргарита, – повторил я. – От греческого «маргаритес», что значит – жемчужина. Одна из постоянных эпиклес богини Афродиты...

– Ого, – сказала она с польщенным изумлением. – Приятно, не знала. Но сколько же мусора у вас в черепе!

– Издержки профы, – пояснил я скромно. – Приходится запоминать массу формул, память оттачивается, хотя теперь это уже без надобности, все есть в инете, ищется в два клика.

Она чуть сузила глаза, все еще разглядывая меня в упор. Нам всем нравятся миленькие и веселые женщины, эта же ни разу не улыбнулась, а вот две на барных стульчиках уже пару раз бросали заигрывающие взгляды и улыбались как-то очень уж, словно мы в постели, а они меня чешут и гладят.

– Хорошо, – проговорила она медленно, – когда мужчина говорит о работе, а не о корпоративах и шашлыках.

Я ответил искренне:

– Так работа интереснее!

– Правда? – переспросила она.

– О ней можно говорить бесконечно, – ответил я. – Но, конечно, не с женщинами. С вами потому, что вы не женщина... в том смысле, в каком женщины для мужчины. Просто переживаем дождь и пьем кофе...

Она кивнула, договорила безразличным тоном:

– И даже не планируете мне вдуть?

Я чуть не поперхнулся,

– Что?.. Нет, конечно. Да боже упаси!

Она сказала с насмешкой:

– А вот это уже обидно.

– Простите, – сказал я виновато, – вижу, что брякаю не то. Еще кофе?

– Спасибо, – ответила она, – что не коньяк. Достаточно.

Глава 10

Я сделал знак официантке, она подошла с металлическим платежником размером с банковскую карту. Я коснулся кончиком пальца, официантка взглянула, кивнула с улыбкой, наклонилась, собирая чашки и блюдца, собирала неспешно, давая возможность мне рассмотреть и оценить то, о чем Бунин написал «...а грудь ее была бела, казалось, выюга надела два этих маленьких холма», на этот раз видны и кончики. Ярко-красные и вытянутые, то ли такие в натуре, то ли подкрашивает и фиксирует, давно не в курсе быстро меняющейся моды.

Хороший ход, мелькнула мысль. Нужно дарить людям счастье или хотя бы вот такое удовольствие.

Она удалилась, покачивая смачными булками в такой амплитуде, что захотелось придержать с двух сторон ладонями, чтобы... ну, не споткнулась.

Маргарита сказала замедленно:

– Впервые вижу такой способ оплаты. У вас чип в кончике пальца?

Я ответил мило:

– У меня только пенис без чипа. А так везде, где можно. Работать в нашей фирме и не чипирнуться?

– О, – сказала она, – уважаю парней, что трудятся в такой сфере. Это очень больно?

Я сдвинул плечами.

– Теперь чипы мельче песчинки. Правда, все экспериментальное, в продаже пока нет. А сертификация дело трудное и муторное. Вполне вероятно, до массового производства дело не дойдет, как это у нас бывает часто. Но нам интересно, не только я вот так. Еще печенья?

Она потрясла головой, поднялась.

– Нет, спасибо. Да и дождь, кажется, прекращается.

Лицо ее стало деловым, я тоже поднялся, торопливо отодвинул ей стул.

– Я проведу вас, – и договорил поспешно, видя, как она дернулась, – до выхода из этого бара!

Она оглянулась, сказала весело:

– Какой вы старомодный. Говорят, математики все тормознутые и сейчас живут в прошлом веке.

Я чуть помедлил, чтобы не выглядело, что хочу догнать и либо задержать, либо пойти за ней, а когда неторопливо вышел, супружеская пара уже спорит, закончился дождь или вот это тоже еще дождь, а Маргарита уходит направо, по тротуару еще текут струи воды, но уже не потоки, каблочки звонко цокают, словно подкованы пластинками из закаленной стали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.